

Марина Андреева

400 страниц моей любви

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Я автор, пишу романы, слово — мой хлеб. Я привыкла взвешивать каждую фразу, но однажды... Однажды в пылу спора поклялась именем Муза, что введу в очередной роман любовную линию. Вот только если бы меня предупредили, что Муз реален и обидчив. Какой же был шок, когда я оказалась в теле юной девицы, в незнакомом, хоть и придуманном мною же мире! А следом раздался голос того самого, якобы мифического Муза: «Сумеешь найти любовь и завершить историю хеппи-эндом — сможешь вернуться на Землю». Вот и ищу теперь любовь, в которую никогда не верила, в жестоком мире, где женщины не более чем твари бесправные...

Марина Андреева

400 страниц моей любви

© Андреева М. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Спор

«...Я ведь полюбил тебя с первого взгляда...»

Прочитав последнюю строчку, я тихонечко заскулила и, одной рукой захлопывая книгу, второй утерла непрошеную слезу.

— Что, опять что-то суперслезоточивое читала? — усмехнулась за моей спиной сидящая за ноутбуком мама.

— И не говори, — шмыгнула носом я. — Вот почему у меня так не получается?

— Как так-то?

— Ну чтобы аж слезу вышибало, — вновь шмыгнула носом я.

— Ха! А чего же ты хочешь, дорогая? — удивила меня мама, и я аж вся встрепенулась, воззрившись на ее макушку, так и хотелось спросить: «Ну и где утешения? Где уверения, что я суперавтор и пишу круче всех?!» Но она моих мысленных посылов явно не уловила и как ни в чем не бывало продолжила: — У тебя чудесный стиль изложения, хороший слог, ты умеешь нагнетать обстановку, делая сюжет динамичным и ярким, чудесно продумываешь создаваемые миры и героев, они эмоциональны, но...

— Что — «но»? — не выдержала я затянувшейся паузы.

— А то и но, Мила, вспомни свои романы.

— Да я их как-то и не забывала, — опешила я, не понимая, к чему это.

— Ладно, — вздохнула мама. — Вспомни, сколько ты уделяешь внимания любовной линии?

— Ну-у... у меня она есть.

— Вот тебе и «ну»! Если она у тебя и есть, дорогая моя, то завуалирована до неузнаваемости, да еще и потеряна на фоне экшена и приключений, а в финале ты, как кость собаке, кидаешь читателям первый и последний поцелуй главной героини и ее потенциального избранника. Так чего хотеть? Думаешь, погрузившись в хитросплетения сюжета, в котором герои вели себя исключительно как соратники в борьбе за правое дело, можно как-то прочувствовать выданный тобой напоследок поцелуй? Не обижайся, дорогая, но это мне каждый раз кажется лишним. Если не было и намека на чувство, то нечего и губы марать.

— Почему не было-то? — пробурчала я.

— Да потому! Я не про твою нынешнюю книгу, тут еще есть шанс все исправить! — излишне эмоционально воскликнула она. — В твоих прошлых романах, если убрать финальный «чмок», никто и не заметит его отсутствия, потому что его не ждали. И если честно, совершенно нелепо и неправдоподобно описано состояние героини, у которой вдруг весь мир поплыл перед глазами и ноги едва не подогнулись. С чего бы так, если она прежде на этого мужчину смотрела как... как... как на предмет мебели.

Горло сжало от обиды, а слезы, вызванные финальными строками прочитанной только что книги, сменились мутной пеленой. Как такое возможно, что самый родной, самый близкий человек говорит подобные слова?! Она же всегда была в восторге от моих книг! Меня издавали. Да и читатели никогда не жаловались. В конце концов, я всегда писала фэнтези и не претендовала на жанр любовного романа!

— Ты слишком вживаешься в образы своих героев, отсюда и проблемы. Ты способна выдумать миры, вершить судьбы вымышленных героев, но совершенно не веришь в любовь, — словно решив меня добить, припечатала мама.

Чувствуя, что вот-вот разревусь, я, старательно смаргивая набежавшие слезы, бросилась к ванной, а вслед доносились кажущиеся такими жестокими слова:

— Вот твоя Камилла, очень милая, нестервозная, целеустремленная, вокруг нее столько мужчин, а ты наверняка ее бросишь распутывать очередные университетские или дворцовые интриги, вместо того чтобы дать героине закрутить бурный роман...

Не желая слушать, я закрыла дверь на защелку, скинула тапочки и любимую длинную футболку, которую не снимая носила дома, и, забравшись в ванну, включила душ. Теплые струйки били по лицу, шее, плечам, смывая слезы и напряжение. Сколько я так простояла? Не знаю. Выбралась лишь тогда, когда в голове воцарился полный вакуум, а организм потребовал кружку горячего крепкого чая с мятой, мягкого одеялка, подушки и тишины.

Пока заваривала чай, прокручивала в голове наш с мамой разговор, и сейчас даже странным казалось — что я так завелась? Ну да, она права, таких сцен у меня нет, потому что отсутствует романтическая линия. И возможно, действительно пора попытаться ее ввести? Вот только как это сделать?

Дело в том, что я никогда не выдумываю, что буду писать — какой будет мир, какой главный герой, что с ним случится и к чему это приведет. Не составляю план, как это делают некоторые авторы. Идеи и сюжеты романов приходят внезапно. И они едва ли не «от» и «до» сформированы. Меня буквально разрывает от необходимости успеть все записать, и в итоге я строчу, строчу, строчу, излагая то, что нашептывает мне мой неутомимый Муз. От себя лично я всего лишь наделяю героев и окружающий их мир красками, звуками и запахами, помогаю читателю визуализировать происходящее, давая возможность окунуться в книгу. Бывает, меня осеняет во сне, и тогда я вскакиваю, панически прокручивая в голове весьма удачные сцены и диалоги, спеша либо надиктовать их на диктофон, либо записать на бумаге, либо сразу в ноутбук. Просто спать теперь ложусь в прямом смысле слова вместе с ним, укладывая рядом с подушкой и не выключая, а отправляя в спящий режим.

Хотя бывает, конечно, что я переписываю какие-нибудь сценки, чтобы производили более сильный эффект, или перестраиваю диалоги, что-то убирая, на чем-то делая акценты, но такое происходит не часто.

Э-э... Это я к чему? Ах да. В общем, те несколько попыток, когда я сознательно пробовала что-то глобально изменить в сюжете, закончились плачевно — вдохновение уходило, и как я ни заставляла себя дописать, не могла выжать ни строчки для этих так и оставшихся незавершенными романов.

Что я потеряю попытавшись? У меня на данный момент написано всего пять глав. Ну стопорнусь, и бог с ними, с этими пятью главами, это же не половина романа, всего-то навсего чуть больше его десятой части, зато... А вдруг у меня получится закрутить любовную линию?

За спиной скрипнула дверь, и тут же под ногами раздалось просительное «мяу».

— Успокоилась? — поинтересовалась мама и потянулась за пакетиком кошачьего корма.

— Угу, — все еще немного дуюсь, пробурчала я.

— То есть рискнешь?

— Да.

— Уверена? Или опять это останется всего лишь обещанием? — продолжала

додавливать мама.

— Клянусь! — сама того не ожидая, пафосно воскликнула я.

— Хм. Чем же, интересно?

Тут пришлось призадуматься: а правда, чем я могу поклясться? Здоровьем? Жизнью? Брр... Вот вроде бы не суеверная, но такими вещами все же не шутят. Да, я честно попытаюсь исполнить обещанное. Даже не так. Меня уже буквально разрывает изнутри от желания доказать, что мне это по силам, но... боязно как-то.

— Своим Музом! — выпалила я.

Ну а что? Это понятие абстрактное, любому ведь понятно — никаких Музов не существует, это всего лишь миф, а значит, я при любом раскладе ничего не теряю.

— Смело, — улыбнулась мама. — Ну да ладно, посмотрим, что у тебя выйдет. Будет здорово, если в твоей книге появится полноценная любовная линия. Ведь романтика, Мила, это то, чего так не хватает женщинам в наши дни. Им хочется хотя бы в книгах побыть слабыми, наивными и чтобы умопомрачительно-сексуальные красавцы добивались их сердца и руки. А сейчас давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

Вот только какое тут спать, если меня распирает от желания приступить к осуществлению задуманного. Обычно я перед сном перечитываю несколько последних глав, восстанавливая в памяти описанные события, и ночью мне обязательно снится либо особо удачная сцена для продолжения, либо усовершенствованная версия уже написанного. Причем там, во сне, именно я являюсь главной героиней, как бы вселяясь в тело другого человека. Причем, что интересно, если мои слова или поступки влияют на ход последующих событий не так, как хотелось бы, и удастся по-другому переиграть сценку или диалог, то я обычно просыпаюсь и записываю подробно все, что я пережила во сне. Так что сейчас мне придется перечитать все с самого начала и подумать, где и что требуется подкорректировать, готовя читателя к появлению романтической линии.

Глава 2

Исходные данные

Итак, что мы имеем? Планета Рестанг разделена океанами на два огромных континента: Каленийский и Верторику. Первый сохранил свое название с тех незапамятных времен, когда эти места населяла ныне канувшая в Лету раса драконов. Справедливые и мудрые долгожители, почти поголовно наделенные магией, не были крылатыми ящерами в привычном нам виде, но могли принимать это обличье, превращаясь в покорителей небесных пространств, что давало им неоспоримое преимущество над второй расой, населявшей этот континент, — расой людей. До поры до времени они правили окружающими землями, поддерживая политические и торгово-экономические отношения с соседней Верторикой, где до сих пор сохранилось единовластие в отличие от Каленийского материка.

Третьей каленийской расой являлись виртонги — невообразимо красивые существа, способные летать на почти невидимых призрачных крыльях, для которых ничто, даже одежда не служила помехой. Как и драконы, они были долгожителями, порою разменивающими тысячелетний рубез. Благодаря врожденной силе, хитрости, коварству и нестандартному мышлению они являлись непревзойденными воинами и стратегами. Вот только воевать им было не с кем, а все попытки вражды на территории материка жестко пресекались все теми же драконами.

Возможно, именно это и стало причиной столь сильной ненависти к правящей расе. Или то, что среди виртонгов магически одаренные дети рождались один на сотню, в то время как драконы едва ли не поголовно являлись магами. А может, сыграло роль и несогласие с навязываемыми нравственными нормами. Дело в том, что драконы по натуре своей однолюбы. В основном будучи существами моногамными, обладающими высокой нравственностью, они прививали обществу свои устои, главными из которых было сохранение невинности до брака и запрет на прелюбодеяние. И если люди, не смея перечить, по большей части безропотно исполняли волю властителей, то виртонги, являясь расой страстной и необузданной, с таким положением дел мириться не желали, нет-нет да и похищая человеческих девиц для своих подпольных гаремов и притонов. Стоит ли говорить, что драконы не могли смотреть на подобное безобразие и распущенность сквозь пальцы?

И тогда, около двадцати пяти тысяч лет назад, виртонги не просто совершили политический переворот, но и устроили геноцид, практически уничтожив драконов. Причем не только на своем материке. Драконы вообще исчезли с лица планеты! Дело в том, что они населяли Каленийский материк, и лишь единицы отшельников обосновались на Верторике. Местное население соседнего континента до первых вооруженных нападений на прибрежные районы даже и не заметило исчезновения целого вида разумных существ. Только тогда, когда верториканские власти потерпели крах при попытке связаться с драконами, и выяснилось, что произошел самый кровавый в истории Рестанга политический переворот.

Историю, как известно, пишут победители. И теперь каждый знал, что драконы — это твари жестокие и подлые, за что и были некогда истреблены. Из памяти людей вытеснили все хорошее, связанное с исчезнувшей расой. Народ искренне верил в то, что, стоит хоть

одному из драконов возродиться, и весь мир умоется кровью. Об этом на протяжении тысячелетий пропагандировалось в прессе, писалось между строк, а порой и прямым текстом в художественной и научной литературе, говорилось в проповедях церковников. Такие воззрения не обошли стороной подмостки театров, кибитки странствующих балаганов и народный фольклор, где пересказывались кошмары, творимые драконами в прошлом, и грядущие ужасы, если эти существа возродятся на Рестанге.

В действующем Каленийском законодательстве появилась статья, требующая немедленного уничтожения представителя расы драконов, если таковой вдруг объявится, а также были узаконены различные меры наказания за прямое или косвенное укрывательство представителей этой расы.

Зачем такие сложности, если драконов давно уже и в помине нет? Ответ прост — межрасовые близкие отношения между людьми и драконами являлись редким исключением из правила, но все же случались. И если в результате этой порочной связи рождался ребенок, то... Нет, это не означало, что он станет драконом, но порой даже спустя сотни поколений в ком-то из его потомков мог проявиться зов драконьей крови, и очередной отпрыск совершенно неожиданно обретал не только дар к магии, но и способность к перевоплощению в летающего ящера.

Так, с этим ясно. Раньше я собиралась закрутить интригу, где моя главная героиня выяснит, что один из ее однокурсников на самом деле дракон, но вместо того чтобы выдать парня, качественно покопается в королевских архивах во время практики и умудрится раскопать правду о прошлом двадцатипяти тысячелетней давности. Девушка, найдя в лице своих друзей единомышленников, недовольных существующим порядком, поведает им об открывшейся тайне. Они создадут подпольное движение, целью которого будет поиск драконов и возвращение их расе былого величия...

Нет, опять как всегда — интриги, приключения, заговоры, а где место для романтики?

Ладно, надо сначала восстановить в памяти все, что преподнес мне на блюдечке Муз, а потом уже прикинуть, что и как изменить.

На чем я там остановилась? Ах да, устройство мира.

Мир, не познавший технического прогресса, идущий по пути развития магических наук, но при этом магами является лишь небольшая часть населения. Так, что дальше? Пока что заострять внимание на Верторике не имеет смысла, до поры до времени она будет фигурировать в этой истории лишь косвенно. А вот Каленийский материк... Именно там, а вернее, в одном из расположенных на его территории королевств и будут разворачиваться события романа.

Итак, действие происходит в Корлэнде, столице Эрензии. Располагается это королевство на южном побережье Каленийского материка. С запада с ним соседствует миролюбивая Жардония — родина прирожденных скульпторов, художников и архитекторов, с востока — горно-озерный Ларкос, славящийся своими тканями и поделками из драгоценных камней и металлов, с севера — Ордонские степи, населенные воинственными кочевыми племенами, а еще дальше на севере раскинулись просторы Обители виртонгов, где и живут почти все представители этой расы, за исключением королевских семей, правящих в соседних государствах, и приближенных к трону родов. Обитель с трех сторон окружена неприступными горными пиками, которые не только защищают ее, но еще и создают уникальные климатические условия на территории королевства, где не бывает сильных ветров, как у горных соседей или на берегу океана, и круглый год царит лето. Ну а с

четвертой стороны границу прикрывают воинственные, но преклоняющиеся перед виртонгами ордонские кочевники.

О мире вроде все. Теперь о магии.

Какие у нас существуют виды магии? Самая распространенная — стихийная, включающая в себя возможность управления огнем, водой, воздухом, землей и делящаяся на два направления: боевая и аграрная. Боевой владеют маги-воины, а обладатели аграрной способны изменять погоду, осушать заводненные территории, выжигать пораженные неистребимым сорняком земли или же, наоборот, тушить пожары.

Вторым видом магии является целительство. А третьим, наиболее редким — душевная магия, позволяющая разговаривать как одушевленные, так и неодушевленные предметы, заставив их поведать свою историю и то, свидетелями чего они стали, а также заставить говорить не желающих этого делать живых и уже умерших существ.

Вообще-то спорный вопрос: чем является дар? То ли это благословение богов, то ли проклятие. Возьмем, к примеру, одаренных женщин. Во-первых, им не позволено иметь детей от простых смертных. Считается, что таким образом можно испортить наследственность, а тот факт, что оба ее родителя магами не являются, никого с момента обнаружения дара уже не волнует. Во-вторых, длительность их жизни раз в пять, а то и больше превышает срок жизни обычных представителей своей расы. А каково это — переживать гибель родных и близких? Поколение за поколением уходит, а ты все живешь и живешь. И самое страшное, что вместе с пробуждением дара приходит абсолютная психоэмоциональная память и обостряются чувства, заставляющие даже спустя столетия помнить и в полной мере ощущать боль минувших потерь.

В-третьих... Вот это можно считать плюсом. Для девушек обретение дара — это еще и путь к свободе. Дело в том, что с той поры, как на Каленийском материке истребили драконов, пришедшие к власти виртонги ввели в обиход систему гаремов и многоженства. Теперь любой мужчина мог иметь столько жен и любовниц, сколько мог прокормить. И если ты старшая дочь, то отец выдает тебя замуж, отдавая за тобой немалое приданое, и ты становишься одной из жен своего мужа. А вот если ты вторая, третья и так далее, то вопрос стоит иначе: тогда тебя выдают тому, кто даст выкуп побольше, и становишься ты не женой, а обычной наложницей. Одаренных же сразу забирают из семей и отправляют учиться сначала в специализированные школы, потом в академию, по окончании которой заключаются два обязательных контракта. Первый — на рождение ребенка от избранного советом магов одаренного мужчины, второй — на пятьдесят лет работы на благо королевства. После рождения ребенка и выявления в нем дара никто — ни родители, ни потенциальные женихи — не имеет права претендовать на свободу одаренной женщины, с этого момента она вольна самостоятельно выбирать между свободой и браком, имеет право заводить любовников и жить так, как ей заблагорассудится. И пусть родить от любимого ей не дано, но и стать женой или наложницей нелюбимого — тоже.

И на этом мы и перейдем к героине.

Литэ Камилла дел Севальон — младшая, точнее, третья дочь кулица. Ах да... Обращение к дамам аристократического сословия вне зависимости от возраста и семейного положения — литэ, а к мужчинам — миор. Дел — приставка к фамилиям титулованных аристократов. Кулиц — самый низший титул в иерархии аристократических сословий Рестанга. За ним по восходящей линии следует герий, потом — дерц, выше которого только принц и конечно же король и император.

Как младшей дочери Камилле дел Севальон предстояло стать наложницей чьего-то гарема. Бунтарка по натуре, узнав, кто именно внес за нее выкуп, она настолько была возмущена, что волна гнева вызвала совершенно неожиданный выплеск дремавшей до того момента магической силы. В итоге вместо гарема она попала в академию магии, где без предварительной подготовки учиться оказалось ой как нелегко, но она старалась изо всех сил доказать, что достойна стать магом и обрести свободу.

Внешне Камилла очень мила — невысокая, с длинной шеей, в меру хрупкими плечами, высокой грудью, тонкой талией, красивым изгибом спины, миниатюрными кистями рук. Лицо с острым подбородком, высокими скулами и лбом, слегка вздернутым кверху маленьким носиком, крупными карими глазами, опущенными густыми темными ресницами. И вдобавок к портрету — копна каштановых, отливающих в солнечных лучах золотом, волос, слегка вьющихся на концах.

В принципе, в общих чертах оставляю все как было. Но что делать с той самой злополучной романтической линией?

Вот на этой-то мысли я и провалилась в мир грез, искренне надеясь, что мифический Муз, как всегда, подкинет мне идею во сне.

Глава 3

Новая реальность

— Как вам уже известно, вид и направление подвластной вам магии, как и стихии, выбрать невозможно, — сверкая из-под густых темных бровей неестественно яркими зелеными глазами, вещал стоящий возле доски преподаватель по теории стихийной магии — смуглокожий брюнет с ямочкой на волевом подбородке, прямым носом и четко очерченным контуром слегка узковатых губ. — Уже к концу первого года обучения станет понятно, кому и что дано отроду. Именно это, вне зависимости от вашего желания, придется лелеять и развивать на протяжении ближайших пяти лет. И готовьтесь к тому, что в соответствии с вашими данными со следующего года вы будете разделены на подгруппы. Ну, это вступление, а теперь вернемся к теме нашей прошлой лекции, и к доске пойдет...

В аудитории, слишком просторной для находящихся в ней двенадцати студентов и преподавателя, повисла гнетущая тишина. Миор Линеон дел Сарье, внешне еще совсем молодой мужчина, которому на вид больше тридцати дать было невозможно, по слухам давно разменял восьмую сотню. Выдумки ли это? Кто знает. Ведь он маг-виртонг, и этим все сказано. Этаким красавец с обманчиво смешливым взглядом ярко-зеленых глаз. Судя по подслушанным разговорам в общежитии, едва ли не все первокурсницы с первого взгляда на преподавателя теряли дар речи и... да, влюблялись. Глупо, по-моему, ведь мы сюда пришли учиться, не так ли?

«Стоп... Что за мысли? — вмешался в ход моих размышлений вырвавшийся откуда-то из реала внутренний голос. — А как же романтическая линия? Почему бы этому красавчику не обратить внимание именно на тебя?»

«Потому что наверняка он уделяет немало внимания и другим студенткам, не хочу стать еще одной в его немалом списке сомнительных побед, пусть и с хеппи-эндным финалом. Да и вообще все эти связки типа «ректор — студентка», «препод — студентка» уже давным-давно набили оскомину читателям», — мысленно буркнула я в ответ.

«Не забудь о том, что поклялась создать романтическую историю», — неожиданно ворвался в мое сознание незнакомый мужской голос.

Заливаясь краской стыда, я с опаской покосилась на преподавателя, который вполне мог читать мои мысли и вот так бесцеремонно вторгнуться в мое личное пространство, но тот смотрел совсем в другом направлении.

«Ты кто?» — мысленно буркнула я.

«Твой Муз...»

— Дел Севальон, к доске, — тут же раздался голос педагога, меня опалило взглядом ярко-зеленых глаз, а по аудитории разнесся приглушенный вздох облегчения.

Бог мой, ну как же не вовремя! Но делать нечего, я поплелась к доске под взглядами одноклассников, равномерно разделившимися на ехидные и сочувствующие. А в голове билась мысль — готова ли я? Это ведь всего лишь вторая лекция по его предмету, и помню, что на дом давалось задание, вот только выполнила ли его моя героиня?

— Итак, — поднимаясь со своего места и нависая надо мной как скала, молвил преподаватель, — Камилла, поведайте нам о направлениях стихийной магии.

— Вода, воздух, огонь, земля, — выпалила я не задумываясь и, заметив, как

нахмурилось лицо педагога, добавила: — Простите, это типы подвластных стихий, а направления — это боевая, аграрная и душевная магия.

— Так-то лучше, — произнес миор дел Сарье, а я чуть не запрыгала от радости, осознав, что готова. — Расскажите об аграрной магии, пожалуйста.

Ну я и рассказала.

— Хорошо, дел Севальон, садитесь, — кивнул преподаватель. — А про второе направление стихийной магии нам расскажет... — Он умолк, окидывая взглядом притихших студентов. — Стенич, к доске.

Уже усаживаясь на свое место, кинула взгляд на встающего со своего места Леона Стенича, пухлощекое улыбчивое парнишку, сына обычного пекаря, так же, как и я, обретшего магический дар уже накануне совершеннолетия и очутившегося в академии, не пройдя обучения в школе. Парень явно нервничал. Это не означало, что он не готов, просто из-за своей, мягко говоря, тучной комплекции, вызывавшей немало насмешек в его адрес, он смущался отвечать перед всей группой. Обычно веселый и разговорчивый, он тут же начинал смущаться. За неполные две недели с начала занятий некоторые наиболее лояльные педагоги, заметив эту его особенность, давали Леону возможность отвечать письменно, не сходя с места.

— Ну что, так и будем молчать? — поинтересовался преподаватель, глядя на мнущегося возле доски, потупившего взгляд парня.

— Боевая магия... — едва слышно пролепетал он, да и то мне удалось его расслышать только потому, что сидела на первой парте.

— Что?! — как-то театрально приложив к уху ладонь, изображающую слуховую трубку, не без скрытого ехидства переспросил преподаватель, а мне стало искренне жаль попавшего под раздачу товарища.

«Ну давай же, Леон, ты справишься!» — мысленно крикнула я, посылая в его сторону волну своей уверенности, за что тут же огребла полный негодования взгляд педагога.

— Боевая магия позволяет использовать защитные и атакующие заклинания, работающие как локально на выбранной цели, так и по площади, — вмиг расправив сутуленные прежде плечи, гораздо громче и решительнее произнес стоящий возле доски студент.

— Дел Севальон, вам первое и последнее предупреждение, — ничего не поясняя, холодно произнес педагог, чем вызвал удивление ребят. — Стенич, продолжайте.

Я мысленно молилась, чтобы Леон успел ответить на все вопросы, прежде чем мое поддерживающее заклятие спадет. Навыков ведь у меня практически нет, о том, что подобное вообще возможно, я узнала на прошлой неделе, вычитав в одной из книг, и в тот же день испытала заклинание на тогда еще незнакомом парне. Собственно, на первой же перемене после проведенного эксперимента мой подопытный отловил меня в коридоре. Я жутко испугалась тогда, ожидая, что он предъявит претензии, но нет, поблагодарил, и как-то так вышло, что мы подружились.

Стараясь не смотреть на друга и лишний раз не смущать его, взглянула в окно и тут же отвела взгляд: небо было затянуто свинцовыми тучами, готовыми вот-вот разразиться дождем, ветер трепал ветви деревьев, а впереди еще одна пара и потом физкультура, которая вне зависимости от погоды проходила на открытой площадке. Не самое обнадеживающее зрелище, грозящее перспективой вымокнуть и извальяться в грязи.

Отогнав дурные мысли, повернулась, сев боком, благо подобное не возбранялось,

облокотилась на спинку стула и задумчиво окинула взглядом попадающих в поле зрения одноклассников. Аудитория просторная, широкие полупрозрачные парты, рассчитанные на двух студентов, хотя на каждой из них легко поместились бы и четверо. Видимо, так специально задумано, чтобы исключить возможность списывать друг у друга или использовать шпаргалки. Стоят парты в три колонки, и между ними проходы почти метровой ширины. На первом ряду, ближнем к доске, сидит пять человек, на втором шесть, на третьем — один Леон.

Так уж вышло, что мне и Леону никто не захотел составить компанию. К сожалению, товарищ не пожелал перебираться на первый ряд, а я не могла сесть дальше от доски из-за зрения, ну а остальные либо уже успели сдружиться между собой со школьной скамьи и даже не помышляли сесть порознь, либо откровенно демонстрировали свое презрение к магическому выродку из небогатой семьи, принадлежащей к низшему слою аристократии, то бишь ко мне. А в сторону простолюдинов такие вообще не смотрели.

За самой ближней партой в моем ряду сидели две неразлучные подружки — слегка полноватая рыженькая болтушка Сеймона и полная ее противоположность, по манере поведения тихая, а внешне — худощавая жгучая брюнетка по имени Кайра. Обе девушки были не из знатных родов и ко мне относились вполне доброжелательно.

Дальше сидели Демин и Райза — близнецы брат и сестра. Казалось бы, они всего лишь кулицы, как и я, но я-то всего-навсего человек, а они виртонги, уже одно это объясняет высокомерное выражение на их нереально красивых лицах, обрамленных шикарными шевелюрами цвета густых сливок.

О тех шестерых, что сидят на втором ряду за мною, даже вспоминать не хочется. Две девушки Лайна и Кадира, живущие в соседней комнате в общежитии, и четверо парней, имена которых я пока что не запомнила. Все они из высших слоев аристократии, герии, и даже кто-то из них дерц. Удивительно, что принцев среди них не затесалось. Дело в том, что вуз, педагоги и студенты не вымышлены мною, а взяты из очередного сновидения со всеми их внешними данными и характерами. Сколько же в этих высокородных было презрения ко всем остальным! Доставалось даже близнецам, и не важно, что они являлись их соплеменниками.

Дело в том, что испокон веков сильных магов за заслуги перед отечеством возвышали, даруя более высокие титулы, либо же наделяли таковыми, если они происходили из простолюдинов. Одаренные женщины рожали исключительно от магов, производя зачастую самых обычных, лишенных магии детей. Но позднее, в одном из поколений обязательно рождались маги, и зачастую неслабые. Поэтому, вне зависимости от одаренности, высокотитулованные особы всегда заключали браки исключительно с равными себе по титулу плюс-минус одна ступень иерархии, что в принципе не мешало им содержать гаремы из простых смертных. И наличие магии у простолюдинов задевало их за живое. А если учесть, что виртонги считали себя сверхрасой, то страшно даже подумать, как же их коробила необходимость изо дня в день находиться рядом с одаренными людьми-простолюдинами.

Короче говоря, с первых же дней обучения наша группа разбилась на два лагеря: в одном были люди, в другом виртонги. Хотя последние и между собой успевали грызться, а точнее, гнобить близнецов, стоящих на самой нижней ступени аристократической иерархии, граничащей с безродными.

— Садитесь, Стенич, — произнес тем временем педагог, и все опять замерли, ожидая,

что же будет дальше — лекция или очередной вызов к доске?

Миор дел Сарье окинул взглядом присутствующих, всмотрелся в какие-то записи на лежащем перед ним листке бумаги и начал уже открывать рот, собираясь что-то сказать, как вдруг раздался решительный стук в дверь. Педагог скривился так, будто только что выпил полстакана уксуса, и крикнул:

— Входите!

Дверь в аудиторию распахнулась, и на пороге появился высокий, крепко сложенный русоволосый парень лет двадцати с лишним. Из-за моей спины тут же раздалось какое-то невнятное шипение и недовольное фырканье. Но следом вошел сам ректор — миор Рантеон дел Шантуа, и все присутствующие, включая педагога, тут же подскочили со своих мест, приветствуя главу академии.

— Садитесь, садитесь. У нас неожиданное пополнение, — торжественно молвил ректор, кивнув в сторону парня. — Прошу любить и жаловать, дерц... — как бы случайно обмолвился он и после краткой заминки продолжил: — Миор Полиней дел Ларго. Внесите его в список группы, — сказал он педагогу. — Пропущено всего полторы недели занятий, так что наверстаете, — с этими словами ректор развернулся и покинул аудиторию, притворив за собой дверь.

— Сын первого советника, — и не думая пасовать перед титулом новичка, приподнял бровь преподаватель. — Имейте в виду, тут все равны, — произнес он. Подумал и уже тише добавил: — Насколько это возможно. Выбирайте себе место и садитесь.

Парень, все это время продолжавший рассматривать присутствующих, явно заметил кого-то из знакомых, поджал губы, отчего те превратились в тонкую полоску, и, сделав несколько шагов вперед, еще раз задумчиво глянул на меня, потом на одиноко восседающего на третьем ряду Леона, на свободные парты и, тряхнув головой, будто решившись, подошел к моему столу:

— Можно?

— Мм... Да, — отозвалась я, убирая с соседнего стула сумку и придвигая к себе раскатившиеся едва ли не по всей столешнице немногочисленные канцелярские принадлежности.

Оставшаяся часть занятия прошла спокойно, если можно так сказать о довольно обильном потоке информации, изливаемом педагогом на бедных студентов, не без труда успевающих строчить конспекты. К концу лекции на пальцах без преувеличений появились мозоли, а сами руки мелко подрагивали от напряжения. О состоянии многострадальной головы лучше не вспоминать. Жаль, что с пробуждением дара обретается абсолютная психоэмоциональная память, что в некоторых случаях, безусловно, полезно, ибо способствует усилению концентрации, но лучше бы просто память стала совершенной.

Звонок, извещающий о конце занятия, прозвучал самой прекрасной музыкой. Покидав учебники и тетради в сумку, я встала, собираясь проследовать к выходу из аудитории, где меня уже ожидал шустро собравшийся Леон. И вдруг...

— Ну что, Ларго, — раздался из-за спины голос одного из высокородных виртонгов, — готовься к сладкой жизни.

— Ты только на угрозы и способен, — совершенно спокойно отозвался новичок. — И напомню, — парень с усмешкой глянул на задиру, — магические дуэли и нападения запрещены уставом академии до третьего курса. А мы, на минуточку, на первом.

— Посмотрим, кто первым нарушит это правило, — парировал виртонг и направился к

выходу.

— Зря ты с ними связываешься, — убедившись, что никто, кроме соседа по парте, меня не услышит, пробормотала я.

— Мы с ним с семи лет бодаемся, — беззаботно пожал плечами парень. — И как видишь, я все еще жив. Но спасибо. Поль, — протянул он мне руку.

— Мила, — отвечая на рукопожатие, отозвалась я, гадая, что такого ценного привнесет этот сон в мой сюжет?

Но долго поразмышлять на эту тему не удалось, ко мне подошел заждавшийся Леон.

— Мил, пообедать не успеем, — произнес он и как-то ревниво глянул на все еще стоящего рядом Поля.

— Да-да, идем, — примирительно улыбнулась я. — Ты с нами? — проигнорировав недовольство друга, поинтересовалась у новенького, и тот согласно кивнул.

В коридоре к этому моменту было безлюдно и настолько тихо, что наши шаги отдавались эхом от стен и высокого потолка. Столовая располагалась в соседнем здании, а на улице, как назло, накрапывал мелкий дождик. Поежившись перед распахнутой дверью, откуда тут же пахнуло сыростью и прохладой, не глядя на новенького, я припустила рысцой следом за бодро потрусившим к вожделенному зданию вечно голодным Леоном.

Столовая встретила нас приятным теплом, ароматом свежей выпечки и приглушенным гулом голосов. Очередь у линии раздачи к этому моменту почти рассосалась, что и немудрено, поскольку на обед отводилось не так уж много времени. Прихватив поднос с тарелками, я отошла от раздачи и тут же заметила призывно машущих нам Сеймону и Кайру. Учитывая то, что свободных мест в зале практически не было, я тут же кивнула застывшим рядом со мной ребятам и направилась к девочкам.

— Я не одна, вы не против? — сугубо для приличия поинтересовалась, хотя еще в аудитории заметила бросаемые ими заинтересованные взгляды на новенького.

— Конечно, не против, — улыбаясь, хором отозвались девушки, сдвинув свои подносы поближе друг к другу и освобождая место для нас.

— Это Поль, — как только мы уселись, представила новичка. — А это — Леон, Сеймона и Кайра, — указывая взглядом на друзей, добавила я.

Дальше было не до разговоров. Время поджимало, а если не успеем поесть, то... до ужина еще далеко. Поэтому все ускоренно жевали, хотя было заметно, что и у новенького, и у девочек имеются вопросы, только Леон вопреки обыкновению помалкивал. А я все ждала, когда же произойдет в этом моем сне нечто, ради чего стоило показывать этот фрагмент сюжета во всех деталях.

Закончив с трапезой, мы отнесли подносы в окошко мойки и все той же бодрой рысью понеслись обратно к учебному корпусу, заскочив в аудиторию перед самым звонком.

— У нас новенький? — Преподавательница по теории целительской магии, женщина пожилая, даже на вид выглядящая лет за шестьдесят, окинула Поля взглядом холодных черных глаз. — Представьтесь, — обратилась она к парню.

— Полиней дел Ларго, — вставая со своего места, послушно произнес он.

— Дел Ларго, говорите? — В ее глазах мелькнул интерес. — Ну что же, я Дарлетта дел Навитор, можете обращаться ко мне магистр дел Навитор. — Она окинула взглядом группу и добавила: — Это касается всех. Я так понимаю, ваш дар проснулся совсем недавно? — На этот раз ее слова снова были обращены к Полю.

— Два дня назад.

— Ну что же, — вздохнув, произнесла педагог. — Учиться будет нелегко, ведь у вас нет начального образования, которое другие студенты успели получить в школе магии. После лекций найдите меня в учебной части, я подготовлю список требуемых для изучения тем и учебных пособий, которые помогут вам устранить пробелы в знаниях. Садитесь, дел Ларго.

Меня аж передернуло. Ишь как соловьем распевает, небось прекрасно понимает, чьим сыном является Поль, и желает выслужиться. Ведь мы с Леоном тоже попали сюда, минуя начальное магическое образование, но никто помощи нам не предлагал.

Минувшая сценка оставила неприятный осадок в душе. Нет, я не буду ее писать. Ведь у парня есть все предпосылки, чтобы стать другом главной героини, а с таким настроением ни о какой дружбе речи быть не может. Вот сейчас отматываем все немного назад и...

— Что за черт?! — вырвалось у меня.

— Вы что-то хотите добавить, дел Севальон? — удивленно приподняв тонко выщипанную бровь, воззрилась на меня преподавательница.

— Нет-нет, простите, — пробормотала я, вновь и вновь повторяя столь привычные попытки откатить события, но по-прежнему ничего не выходило.

Преподавательница, вмиг забыв обо мне, продолжила лекцию, а я из всех сил, до головной боли пыталась вспомнить мельчайшие детали, будь то скрип чьего-то стула, шарканье, неразборчивый шепоток, чтобы восстановить тот момент, когда педагог знакоилась с новеньким. Собственно, я хотела вычеркнуть из сюжетной линии задевший меня момент — когда магистр Навитор предложила помощь Полю. Но, увы, вопреки ожиданиям, ничего не менялось. Я по-прежнему была в том же времени, педагог уже всю что-то рисовала на доске, параллельно объясняя, а я...

Я ничегошеньки не понимала. Ведь всегда — да-да, именно всегда, стоило мне во сне пожелать изменить сюжет, откатить пару минут назад, чтобы не услышать или не сказать нечто нежелательное, и все возвращалось на круги своя, а дальнейшие события текли своим чередом, но с учетом моих пожеланий. А сейчас ничего не происходило. И это пугало. Нет, не то, что Поль, в отличие от нас с Леоном, получит помощь, а то, что я потеряла контроль над собственным видением и теперь понятия не имела, куда меня все это заведет.

Лекцию я слушала вполуха, панически перебирая в голове причины произошедших перемен. Затем пришел черед физры, и я вдоволь навалялась в грязи на полосе препятствий, где тренер не делал никаких поблажек никому, будь то девушка или парень, высокородный или простолюдин, виртонг или человек. «Неизвестно, к чему у вас проявится предрасположенность. Вдруг вы окажетесь боевым магом? — отвечал физрук на стенания изможденных студентов. — А боевые маги в первую очередь воины и должны не только боевыми заклинаниями уметь кидаться, но и содержать тело в хорошей форме». Народ роптал, доказывая, что им это не нужно. «Вот когда окажетесь в ситуации, исключающей возможность применения магии, тогда и оцените пользу физической подготовки, которая, надеюсь, спасет ваши жизни или жизни ваших коллег». На это нам сказать было нечего, приходилось сжимать зубы крепче и продолжать измываться над собственным телом, выполняя задаваемые нам кажущиеся запредельными нагрузками.

Кстати, на физкультуре Поль отличился, вызвав похвалу из уст педагога, чего не удостоивался никто за прошедшие пять занятий, и яростное шипение высокородного виртонга и его прихвостней.

В раздевалку я вползла в числе последних и в прямом смысле на четвереньках, с ног до головы потная и грязная настолько, что самой противно было касаться собственной одежды

и тела. Все душевые кабинки к этому моменту были уже заняты, и я по своему прошлому опыту знала, чем это кончится. Горячая вода подавалась сюда из специального бака, который периодически, а точнее, во время самого занятия магически нагревался. Холодная же вода шла самотеком. В итоге те, кто мылся последним, был вынужден делать это очень быстро и отбивая зубами чечетку.

И ведь не пойдешь вот такой свиньей через всю академию, да и вещи надевать жалко, не приняв душ. А спортивный костюм и кеды... Мало того что грязнущие, в таком виде комендантша даже на порог общаги не пустит, чтобы не наследила в помещении.

Пока искупалась, замерзла до посинения. Несмотря на боль во всех мышцах, растерлась как следует полотенцем, стараясь хоть немного разогнать кровь, переделалась и поплелась в общагу, надеясь, что уж по дороге-то, ну или в крайнем случае в самом общежитии точно что-то должно случиться сверхэффектное для дальнейшего сюжета, не зря же я вижу все это?

Вышла на улицу и вздохнула с облегчением — дождь закончился!

Иду, наострив ушки — вдруг что-то важное от кого-то случайно услышу? Но нет. Народ после занятий разбрелся по комнатам, и на пути как назло встречались лишь одиночки либо группки, болтающие о моде и о погоде. Вошла в общежитие, внимательно глянула на всезнающую комендантшу, но та всего лишь бросила в мою сторону короткий безразличный взгляд поверх съехавших на переносицу очков и продолжила читать газетку, сидя в кресле возле окошка.

Пока добралась до комнаты, тоже ничего не произошло. Никто даже не встретился по пути! И в комнате обнаружилась соседка — белокурая Лейра с третьего курса целительского отделения. Не отрывая глаз от учебника, она кивнула в знак приветствия и... все! Ну вот вообще — все! Ничего не понимаю.

Я побродила по комнате, перерыла свои вещи в надежде обнаружить хоть что-то интересное, в ванную комнату заглянула, и опять меня ждало разочарование. Ну ведь должно же что-то произойти! Просто обязано! Мне всегда виделись лишь те фрагменты, которые либо помогали выбраться из тупика, когда я не знала, как бы позанятнее соединить сюжетные линии, но сейчас никаких соображений у меня не было, имелся лишь абстрактный вопрос: что делать с любовной линией. И что? Неужели вот этот совершенно никчемный сон должен будет ответить на этот вопрос? Бред! Ладно, подождем, может, на ужине произойдет что-то, а ранее имевшие место события вплетутся в общую канву повествования, дополняя картину?

— Ты долго в облаках витать будешь? — привлекла мое внимание соседка.

— Что? — не поняла я.

— Чем быстрее ты наверстаешь программу школы, тем легче будет усваивать текущий материал, и наоборот, если будешь так сидеть, мечтательно глядя в окно печальными глазами, то отставание будет только нарастать, и...

— И? — не выдержала я.

— Тебя отчислят. А после этого лишат магии. Оно тебе надо?

— К-как это лишат? — не веря своим ушам, спросила я.

— Вот так, — отозвалась девушка. — Вчера ты после занятий пропустила собрание, помнишь?

— Мм... — только и смогла выдавить я, а собеседница закатила свои неестественно голубые глаза:

— Я же тебе потом рассказывала о том, что там было.

— Н-не помню... — борясь с приступом паники, пробормотала я, параллельно ломая голову, как могло так случиться, что сюжет стал развиваться без моего ведома?

— На границе со степями война. Ведутся ожесточенные бои.

— Вот только не говори, что и нас туда могут кинуть. У нас есть дар, но совсем нет опыта.

— Могут, но старшекурсников. А опыт иначе как на практике и не получишь, — на удивление рассудительно произнесла девушка. — Речь не о том. Помнишь, на прошлой неделе во все газеты попала сенсационная новость — ученые выявили способ, как, изъыв магическую силу у одного существа, передать ее другому?

— Э-э-э... Ну да, что-то такое было, — тихо отозвалась я, хотя, если честно, не помнила, чтобы нечто подобное приходило мне в голову.

— Ну и вот. Так как маги на вес золота, то введена новая мера пресечения за нарушения и халатность: если маг не оправдывает возложенные на него государством надежды, то у него изымают дар. Ведь всегда найдутся верные, умные и сильные личности, но обделенные магическими способностями... Увы, не люди, а виртонги.

— Это же несправедливо! — воззрилась я на Лейру в надежде, что она шутит, но нет, девушка была серьезна.

— К сожалению, это логично, — отозвалась соседка. — Виртонги физически сильнее людей и живут раз в десять дольше, а значит, для государства выгоднее передавать силу именно им... — Она вздохнула. — Вот я и говорю: учись, иначе... Ты же не старшая дочь, так ведь?

— Угу, — буркнула я, уловив ее толстый намек на то, что альтернативой учебе может стать гарем ненавистного герия Телано.

Но так ведь не должно быть! Да, я могла увидеть во сне захватывающий поворот сюжета в том направлении, в котором изначально все и задумывалось: якобы подслушать нечто полезное, но не эти обсуждения рутинных событий повседневной жизни моей героини, пусть и насыщенных живыми эмоциями, и не более того. Я шаг за шагом узнаю что-то, о чем не собиралась писать. Тут же вспомнился случай на лекции по теории целительской магии, когда я пыталась откатить ситуацию назад, но ничего не происходило. Где-то внутри заворочался неприятный ком пока еще не сформировавшихся опасений.

— На ужин идешь? — выдернула меня из раздумий Лейра.

— А? А-а... Да-да, иду, — несколько заторможенно отозвалась я.

Как ни лелеяла я надежду, в столовой тоже ничего не произошло. Ну почти ничего, не считая довольно неприятного разговора с севшим за наш стол новеньким. Заметив, что он постоянно пытается задеть главу нашей элитной шайки виртонгов и даже за едой косится в их сторону не обещающим ничего хорошего взглядом, я не удержалась и тихо, так чтобы никто, кроме Поля, не услышал, произнесла:

— Лучше не связывайся...

— Да ладно, — так же тихо отозвался он, и голос при этом прозвучал совершенно спокойно, что и ввело меня в заблуждение относительно смысла сказанного, но последующие слова повергли меня в шок: — Я совета не спрашивал. Не стоит считать себя чем-то большим, чем ты есть. Если я сел рядом с тобой, это не означает, что ты мне интересна или симпатична, это всего лишь способ не видеть постоянно перед собой Каитора дел Корена и его прихвостней, — завершил он свою отповедь и, прихватив свой поднос, ушел, вызвав удивленные взгляды ничего не понявших друзей.

Сказать, что мне стало обидно, значит ничего не сказать. Кто бы мог подумать, что из такой короткой фразы можно раздуть целого слона? Ведь я не желала ему зла. За что он так? И вообще, кто он такой? Что тут делает? Я не планировала появления нового действующего лица. Вот возьму и вычеркну из сюжета! И как только проснусь, сразу же забуду о его существовании.

— Чего это он? — поинтересовался Леон.

Не желая вдаваться в подробности, я лишь плечами пожала и, потеряв всякий аппетит, извинилась перед ребятами и поплелась обратно в общагу. Все тело ломило после чрезмерных нагрузок на физкультуре, на душе было паршиво после стычки с Полем, еще и паника нарастала: почему ничего существенного не происходит, кроме незапланированных по сюжету новостей и появления этого неадекватного новенького? Почему я не просыпаюсь, в конце концов? Никогда еще я не проживала во сне целый день.

Выйдя на улицу, зябко поежилась. Сыро и промозгло. Дождь уже закончился, но с наступлением темноты существенно похолодало. Тучи разогнало, и с неба холодными взглядами взирали Дея и Легос — два ночных спутника Рестанга, первый из них, по преданиям, покровительствует женщинам, второй — мужчинам. И признаком их расположения считается принимаемый в тот или иной момент окрас, и поговаривают даже, что каждое живое существо в одно и то же время может видеть одни и те же ночные светила разного цвета. Сейчас более миниатюрная Дея была пугающе кроваво-красной, что мне совсем не понравилось. Вряд ли это могло предвещать что-то хорошее.

Оторвавшись от созерцания звездного неба, прибавила шагу, торопясь поскорее попасть в тепло общаги. Несмотря на боль в натруженных мышцах, буквально взлетела на свой этаж и, быстро скинув вещи, побежала отогреваться в душ. Не хватало еще, чтобы моя героиня простыла. Какой-то частью сознания я понимала, что это всего лишь мой сон и только от меня зависит, *что* потом включить в роман, а *что* — нет, но... Засела где-то внутри, словно заноза, пугливая мысль: вдруг я тут застряла надолго? Подставила лицо под обжигающе-горячие струи воды. Она смывала усталость, грела и немного успокаивала. И все же откуда такие мысли о том, что я здесь задержусь? Не знаю. Но чувствую — это возможно.

«И правильно чувствуешь, — раздался в голове уже знакомый мужской голос того, кто ранее представился моим Музом. — Вы, авторы, не осознаете одну важную деталь: вы творцы, боги, создающие миры и населяющие их. Вершители судеб. Каждая созданная вами планета, раса, ситуация — реальны. Ты сейчас в одной из таких реальностей».

— Я бог? — растерянно пробормотала я.

«Нет. Теперь ты не бог, а простая смертная девочка с недавно проснувшимся даром».

— Но как же? Это ведь мой мир. Мой сон...

«Ты слушаешь, но не слышишь, — спокойно отозвался голос в моей голове. — Это уже не сон, это реальность».

— Но... Я не хочу вот так... Здесь...

«Я тоже не хотел, чтобы моим именем швырялись всуе, давая клятвы, которые не собирались выполнять».

О чем он? Это что, кошмар такой? Как мне проснуться?!

И тут же вспомнилась сцена из реала, где я сижу на кухне перед чашкой остывающего чая, лелея в себе обиду от маминых жестоких слов, и сгоряча клянусь своим Музом, что напишу историю с трижды проклятой романтической линией. Но я ведь честно хотела попробовать!

«Вспомнила? — В голосе невидимого собеседника послышалась усмешка. — Так вот, ты не находишь, что между «попробую написать» и «клянусь своим Музом, что напишу», существует разница?»

— Д-да... Я... Я не со зла.

«Я тоже, — как-то грустно ответил Муз. — Но тебе как создателю миров надо понять, что все тобою сказанное — это не просто слова, они приводят к неким последствиям, и за них надо нести ответственность. Да, когда-то я выбрал тебя из тысяч. Долгие годы оберегал, дарил идеи, помогал создавать сюжеты. Но, к сожалению, у нашей братии имеется кодекс, и как бы я ни жалел тебя, вынужден дать урок. Так что смирись. Теперь это твоя жизнь».

— Что?! — воскликнула я, забыв, что меня могут услышать.

— Эй! Там все нормально? — громко, перекрывая шум льющейся воды, крикнула из-за двери одна из соседок по этажу, явно ожидавшая, когда же я освобожу душевую. — Помощь не нужна?

— Все нормально, я уже скоро! — выключая воду и поспешно вытираясь, громко ответила я и едва слышно обратилась к Музу: — Как мне вернуться? Там же мама. Она волнуется, и...

«О ней не беспокойся, — прервал меня он. — Я позаботился о том, чтобы она считала, будто ты внезапно укатила отдыхать. А как вернуться обратно? Ответ один — исполни обещанное».

— Но... — быстро натягивая халат, воспротивилась я. — Как же я напишу роман и добавлю то, чего хочу, если ситуация вышла из-под моего контроля? Я ведь не могу теперь ничего изменить!

«В том урок и заключается: твои слова, поступки, как я уже говорил, приводят к неким последствиям. Думай перед тем, как что-то произнести или сделать, вживись в образ, не забывай о том, что ты не тридцатилетняя раскрепощенная женщина из свободонравного мира, а восемнадцатилетняя невинная девушка. И помни — у тебя не будет возможности переписать сюжет. Уже сейчас книга пишется, четко протоколируя происходящие здесь события. И если ты желаешь ей успеха, то не изменишь ни строчки».

Я молчала, ожидая продолжения, но Муз больше не подавал голоса, в то время как в дверь уже начали стучать, требуя поторопиться.

Вернувшись в комнату, я сразу занырнула под одеяло, игнорируя ворчание соседки по поводу того, что кому-то явно в гарем хочется. Да, я понимала, что Лейра права и надо усиленно учиться, учиться и учиться, как завещал незабвенный дедушка Ленин, но сейчас, когда на мою голову свалились такие новости, я все равно была не в состоянии что-либо усвоить из учебного материала. Так и лежала, надеясь, что Муз пошутил и я вот-вот проснусь в своей квартире и пойду на кухню пить с мамой чай, рассказывая про свой странный сон. Но, увы, чуда не случилось, и я заснула здесь — в вымышленной мною же реальности.

Глава 4

Приглашение

С того злополучного разговора с Музом минуло четыре месяца. За это время чего только не было — и плохого, и хорошего, но ничего эпохального не происходило, и я не раз прокляла свой длинный язык и дурную голову, из-за которых вляпалась в нынешнюю ситуацию. Муз больше не давал о себе знать, и порою даже казалось, что все воспоминания о моем земном прошлом и явление голоса в голове — это не более чем фантазия. Но и горевать о произошедшем у меня по большей части не было ни сил, ни времени. Моя жизнь превратилась в бесконечную зубрежку, что вкупе с хроническим недосыпанием и физическим истощением измотанного на тренировках тела больше напоминало затянувшийся кошмар, а не жизнь. Ни о какой романтике речи не было, как и о том, чтобы как-то изменить происходящее.

Да, были конечно же и просветы в этом царстве мрака — у меня появились друзья: Леон, Сеймона, Кайра, Лейра и, как ни странно, Поль. С последним у нас отношения складывались непросто, но в итоге мы как-то притерлись. Я контролировала себя, пусть и не всегда это удавалось, но все же старалась не задевать ущемленное самолюбие вспыльчивого товарища, тот со временем стал смотреть сквозь пальцы на нет-нет да срывающиеся с моего дурного языка слова. Причем на перемирие он пошел первым.

— Я слышал, ты тоже недавно обрела дар? — уточнил как-то парень, топая вместе со всей нашей компашкой в столовую на обед.

— Угу, — буркнула я, продолжая в голове прокручивать тему одной из сегодняшних лекций, в которой не все удалось понять даже после обращения к учебнику во время перемены между занятиями.

— Хочешь, я дам тебе те книги, которые у меня есть? Ну из списка магистра дел Навитор.

— Тебе же их надо сдать в библиотеку после изучения? — удивленно воззрилась я на парня.

— Сдам, но чуть позднее, — усмехнулся тот. — Ну так что?

— Давай, — искренне обрадовалась я.

Без знания азов действительно было очень сложно, хоть соседка по комнате и Сеймона с Кайрой старались заполнить имеющиеся пробелы в моих знаниях, но этого явно было недостаточно. Если поначалу я, Леон и Поль одинаково хромали на обе ноги в учебе, то сейчас последний вырвался вперед, став едва ли не отличником, в то время как мы с Леоном едва вытягивали на средний бал, балансируя на грани отчисления. Порой все это настолько изматывало, что хотелось сложить руки и плыть по течению; в конце концов, кто знает, может, именно там, в гареме, и ждет меня романтика? Брр... Как вспомню этого герия Телано, аж передергивает. Нет, пожалуй, лучше грызть гранит науки.

Вот мы с Леоном усиленно его и грызли. Поначалу нами была разработана схема: один день я разбирала тему из одного учебника, он из другого, на следующий менялись книгами, штудировав то, что уже изучено товарищем, а на третий, с согласия Лейры, собирались у меня в комнате и проверяли, насколько усвоили материал, попутно анализируя и поясняя друг другу то, что было непонятно. Иногда к нам присоединялся Поль, что-то поясняя. Порой и

девчонки принимали участие в нашем обучении. И в итоге спустя полтора месяца дополнительный материал был досконально изучен.

Конечно же зубрежка на этом не закончилась, имелись и текущие задания. Да и многое из того, что нам давали на лекциях в академии, мы просто-напросто не понимали из-за отсутствия базовых знаний. В конце года нас ждали экзамены, и именно по их результатам будет решаться наша дальнейшая судьба. Поэтому, завершив с начальным образованием, взялись за освоение академической программы.

В общем, не жизнь, а учеба, учеба и еще раз учеба. Стоит прибавить к прелестям этой самой жизни вечно стонущие после тренировок мышцы — физрук словно измывался над нами: только привыкнешь к нагрузкам, и он тут же их увеличивает. Хронический недосып тоже не прибавлял бодрости, а от одного вида и запаха успевшей надоесть однообразной пищи в столовой хотелось выть. Разнообразие в эту рутину вносили лишь стычки с шайкой элитных виртонгов из нашей группы.

Как-то незаметно пришла зима. И вот впереди праздник Слияния лун: ночь, когда Дея пряталась за Легосом. С полуночи, как и у нас на Земле, начинался отсчет нового календарного года, насчитывающий также двенадцать месяцев, но все они равны были тридцати дням. Этот день шумно праздновали, о нем бытовало множество легенд, ну и конечно же в эту ночь гадали. А для студентов особенной радостью служило то, что один день до праздника и три после были выходными! И в эти мини-каникулы мы могли покидать стены академии. Кто-то отправлялся к родственникам, кто-то выбирался в ближайший прибрежный городок, располагавшийся в двух часах ходьбы, а кто-то добирался и до столицы.

Домой — имеется в виду в здешнюю семью — мне не особо хотелось. Судя по редко приходящим письмам, от меня ждали самопожертвования во имя восстановления шаткого финансового положения. Надеялись, что я сознательно завалю экзамены и после изъятия силы вернусь в отчий дом, откуда тут же, в обмен на существенно увеличившийся за время моего пребывания в академии выкуп, отправлюсь к герию Телано.

Жутко, но писала об этом именно мать. В голове не укладывалось, как та, будучи единственной женой моего отца, могла вполне осознанно подталкивать собственную дочь в объятия этого старого жирного похотливого ублюдка, желая сделать меня обычной наложницей? Как ни странно, Телано был виртонгом, вот только внешне... Может, когда-то он и был красив и строен, как пристало представителям его расы, но сейчас этот вечно лоснящийся от пота седовласый мужчина с тремя подбородками и огромным животом мог вызвать лишь приступ тошноты. Но при этом он все еще славился своими амурными похождениями налево при наличии пяти официальных жен и двенадцати наложниц!

Девчонки по понятным причинам тоже к родителям даже и не думали ехать, потому что те, так же, как и мои, жаждали получить за них выкуп. Леон с такими проблемами конечно же не сталкивался, но его дом был слишком далеко. Да, академия брала нас на полное обеспечение, предоставляя кров и пропитание, необходимый минимум одежды и обуви, а также все, что требовалось непосредственно для учебы. Также каждому студенту ежемесячно капала небольшая стипендия, которая копилась, ибо тратить деньги тут было не на что. В принципе Леон обычным транспортом, коим тут являлись лошади, мог добраться до родного дома ровно за три дня, а значит, не успел бы вернуться к началу занятий. Виверной можно было долететь всего за сутки, но стоил такой способ перемещения недешево и скопленных денег хватило бы на путь только в одну сторону, а об использовании

мгновенного магического перехода и речи не шло, на него копить не один год придется такими темпами.

А вот Поль, единственный из нас, с нетерпением ждал каникул, собираясь домой.

— Ребята, айда ко мне? — во время ужина за два дня до отъезда, почему-то глядя мне в глаза, предложил он. — У нас замок большой, места всем хватит. Познакомлю вас со своей сестрой и братьями.

Создавалось ощущение, что это предложение предназначено именно мне. Хотя странно все это, ведь мы с Полем чаще ссорились, нежели мирно общались. Только благодаря вечным нагрузкам и занятости дело не доходило до открытой вражды. Я ничего не имела против парня, его целеустремленность и приверженность своим принципам и идеям мне даже импонировала, но его постоянно что-то задевало в моих речах. Видимо, давало о себе знать мое земное прошлое и нет-нет да прорывающийся наружу опыт тридцатилетней женщины, очутившейся в теле юной, неопытной на первый взгляд девушки. Однако, как я ни пыталась соответствовать образу, наружу так и рвался приобретенный в прошлой жизни цинизм.

Кайра тут же залилась краской и засмузилась, услышав предложение Поля, что и немудрено: только слепой не заметил бы, что девушка неровно дышит к нашему титулованному товарищу. И хотя парень уделял ей внимания не больше, чем остальным членам нашей компании, все равно в последние дни она ходила словно в воду опущенная в ожидании пусть недолгой, но разлуки.

Сеймона тоже встрепенулась, ей, как и всем остальным, успели порядком надоесть примелькавшиеся пейзажи академических территорий. Но буквально спустя пару секунду подруга сдулась, растеряв весь пыл:

— Ты же понимаешь, что у нас просто-напросто нет таких денег, чтобы добраться до столицы, — вздохнула она.

— К моим родителям мы съездим как-нибудь позже, — отозвался Поль. — Может быть, летом. А сейчас я приглашаю в наш родовой замок на побережье. Это недалеко, часа четыре верхом. Ну так что?

— А сестра красивая? — тут же заинтересовался Леон.

Он за последние месяцы благодаря вечным изматывающим нагрузкам и недосыпам сбросил лишний вес, превратившись в симпатичного молодого человека. Он и прежде отличался высоким ростом, но теперь его фигура подтянулась, став спортивной, ушел двойной подбородок, Леон перестал постоянно краснеть и потеть от малейшей нагрузки, овал лица и его черты обрели четкость, обнаружив высокие скулы и прямой нос, губы остались слегка пухловатыми и неожиданно чувственными, а большие серые глаза в окружении густых темных ресниц приобретали завораживающий цвет ртути, когда он чему-то радовался, что с учетом его жизнерадостной натуры происходило почти постоянно. Вот только подружки у него так и не появилось. Во-первых, на это физически не хватало времени, а во-вторых, все девушки в академии по-прежнему видели в нем увальня-толстяка, хотя он и изменился до неузнаваемости.

— У нее уже есть жених, — как-то невесело усмехнулся Поль. — Она ведь единственная дочь, — вздохнул он и добавил: — К Сейле многие сватались.

— Угу, — буркнул в ответ Леон. — Еще бы! За нее небось и приданое немалое дают.

— Не думала, что тебе именно это важно, — как-то брезгливо фыркнула Сеймона, зыркнув исподлобья на друга. — В смысле, приданое.

— Мне?! Мне нужна та, которую я люблю, ну и чтобы она меня любила таким,

какой я есть, пусть без титула, а вот им... — Он неопределенно мотнул головой, очевидно имея в виду всех прочих мужчин.

— Думаю, каждый из нас мечтает об этом, — вздохнул Поль и кинул мимолетный взгляд в мою сторону. — Вот только минули те времена, когда пары создавались по любви. Теперь все решает очередность рождения и то, у кого больше денег.

— Сказал Поль, а через пять лет обзавелся пятью женами и гаремом, — как всегда не удержалась я от язвительного комментария и тут же прикусила свой длинный язык.

— Уж у тебя-то и статус завидный, и для выкупов денег хватит на полкоролевства. Да и внешне ты очень даже ничего, — поддержала меня Сеймона, украдкой подмигивая краснеющей пуще прежнего Кайре.

— Больно надо, — буркнул парень. — Не все деньгами меряется. Так вы едете или нет? — вместо того чтобы развить конфликт, сменил щекотливую тему он.

Стоит ли говорить, что все усиленно закивали, с радостью принимая приглашение?

Глава 5

Выход за пределы академии

Два дня перед отъездом пролетели как один миг, я и не думала, что идея поездки в гости сможет меня настолько воодушевить. Наверное, заражал настрой друзей. Девчонки уже в первый же вечер упаковали торбочки с нехитрым скарбом и примчались ко мне, желая помочь со сборами. Весь следующий день, когда мы оставались в своем кругу, разговоры велись лишь о том, чем мы будем заниматься в гостях. Поль обещал показать родовые конюшни, где содержались племенные лошади редкой породы, свозить нас к озеру с горячими ключами, где можно поплавать в любое время года, и потому рекомендовал взять с собой принадлежности для купания. Ну и конечно же сам праздник, который планируется в узком семейном кругу — он, сестра, братья и соответственно мы. Вот только я не поняла, при чем тут семья и мы с ребятами?

— А гадать будем? — робко поинтересовалась во время одного из разговоров Кайра.

— Как хотите, — внезапно помрачнев, передернул плечами Поль. — Я пас.

И вот за день до праздника руководство академии сократило количество лекций, уже к обеду освободив нас от занятий. Мы шустро заскочили в столовую, быстренько перекусили, словно торнадо пронеслись по своим комнатам в общежитии, где переоделись, прихватили сумки и поспешили к воротам, где уже толпились отъезжающие студенты.

Впервые покидая академию и не имея ни малейшего понятия, что нас ждет за ее пределами, мы очень волновались. Ведь поступающих сюда отправляли магическим свитком мгновенного переноса в пространстве, а стены академии были слишком высоки, к тому же обзор за ними закрывал магический заслон в виде мерцающей разными цветами туманности. Среди студентов ходили жуткие байки о том, что лишь на время каникул эти земли становятся безопасными благодаря стараниям наконец-то свободных от занятий преподавателей, являвшихся сильнейшими магами королевства.

Очутившись за пределами академии, мы вмиг почувствовали суровость местной зимы. Если внутри было просто холодно, то здесь еще и свистел пронизывающий до костей ледяной ветер, гоняющий поземку по явно высушенной еще до наступления морозов земле. Снег забивался в трещины, коими оказалась испещрена лишенная какой-либо растительности безжизненная почва. От этого пейзажа стало как-то не по себе, получается, наша альма-матер была чем-то вроде оазиса в этом жутком, лишенном признаков какой-либо жизни месте.

Здесь, за воротами, разбившись на три очереди, толпились студенты. Самая короткая, состоящая из нескольких десятков человек, вела к торговцам телепортационными услугами. Вторая по длине заканчивалась возле погонщиков виверн — крылатых ящеров, покрытых чешуей самых причудливых оттенков, а порою и вовсе переливающихся как радуга. Эти летуны были воистину прекрасны, несмотря на размеры, а достигали они иногда четырех метров в холке. Ну и третья, самая многочисленная очередь, выстроилась к погонщикам лошадей, которых брали тут в аренду, а отдавали в специальные обменные пункты, имеющиеся в любом мало-мальски крупном городе, откуда уже можно было нанять экипаж до конечного пункта назначения.

Мы пристроились в хвост третьей очереди. Пока ждали, озирались по сторонам.

Безжизненные равнины не особо привлекали интерес, от их вида становилось как-то не по себе и поневоле верилось в гулявшие по академии ужасные рассказы о разнообразных монстрах и магических существах, обитающих в округе. Куда приятнее было рассматривать горделивых покорителей неба. Судя по тому, что мы изучали на уроках биологии и бестиологии, виверны являлись существами разумными, но социально совершенно не приспособленными, и поэтому они шли на контакт с теми из людей, кому готовы были довериться, и даже мысленно общались с ними. Погонщик становился для них членом семьи, который, в свою очередь, заботился о ящере, снабжая его пищей, кровом, помогая в случае проблем со здоровьем. Виверна же в ответ на это обеспечивала охрану своего погонщика и позволяла ему использовать себя в качестве наемного транспортного средства, которое, кстати, пользовалось успехом благодаря соотношению «скорость — цена». Ну и конечно же многим просто-напросто нравилось летать, и за это развлечение люди готовы были вполне прилично платить. Благодаря чему образовавшийся тандем обеспечивал себе безбедное существование. Стать избранником виверн мечтал каждый не одаренный магией простолюдин, ведь после образования ментальной связи «виверна — человек» не только обреталось финансовое благополучие, но и едва ли не в три раза увеличивалась длительность жизни простого смертного.

И вот мы стояли неподалеку от этих избранных счастливых и величественных виверн. Сами ящеры вовсе не напоминали грубоватых драконов или динозавров, какими их изображали земные художники, это были утонченные грациозные животные, если можно так говорить о разумных существах. Их чешуйки были настолько мелкими и гладкими, что блестели на солнце, отбрасывая блики, как разноцветное зеркало. Хотелось подойти и коснуться этого чуда. И только было я решилась на это, как приблизилась наша очередь. Перед нами оставалась только одна группа отъезжающих студентов, и мое внимание привлекла неожиданная фраза:

— Лишь бы нам лероссы не достались.

Услышав эти слова, я напряглась, поскольку уже знала, что лероссы — это некие демоны-метаморфы, с легкостью принимающие облик любого животного, будь то кошка или конь, да хотя бы и виверна, но при этом многократно превышающие их способности в силе, скорости и прочем. Они разумны, хитры, коварны, обычно привязывают к себе кого-либо из разумных, питаясь его жизненной энергией, в буквальном смысле загоняя человека или виртонга в могилу прежде времени, но крайне редко, как и виверны, находят себе избранника и опекают его. И тогда более верного и отважного друга не найти во всем мире, однако подобные случаи настолько редки, что вошли в легенды. По какому принципу они отбирают тех, с кем желают разделить жизнь, а не лишиться оной — этого, увы, нам на уроках никто не говорил, да и я, если честно, не интересовалась, потому что думать не думала, что столкнусь с этим видом демонов.

— Опыт верховой езды имеется? — поинтересовался один из конюхов, обслуживающих табун заранее оседланных лошадей.

Мои товарищи с разной степенью уверенности дали положительный ответ, а вот я... Откуда мне знать, умеет ли моя героиня ездить на лошади? Все идет совсем не по задуманному сценарию, а раньше я, когда еще имела власть над сюжетной линией, не задавалась этим вопросом, поэтому просто-напросто пожалала плечами, что, судя по дальнейшим событиям, было воспринято как подтверждение наличия опыта.

— Тогда ступайте к загону, — словно и не заметил моей растерянности мужчина. — Кто

к вам подойдет, на том и поедете, — и он приглашающе махнул рукой.

— А вы не могли бы сами дать нам обычных лошадок? — попросила Сеймона, явно не пропустившая мимо ушей разговор о лероссах.

— В табуне триста пятьдесят голов, думаете, я их всех в морду помню? — невесело усмехнулся конюх.

— С чего ж вы решили, что среди них есть лероссы? — поинтересовался Леон, внимательно разглядывающий лошадей.

— Потому что после последней ночной стоянки поголовье возросло на двенадцать штук, — поджав губы, признался тот. — Сомневаюсь, что к нам прибились степные мустанги, они слишком своенравны, чтобы позволить себя оседлать, а эти... — он кивнул на табун, — все без проблем встали под седло. Так что выбирайте, и пусть вам улыбнется удача.

— Но это ведь риск! — пискнула побледневшая Кайра, на что погонщик лишь руками развел и добавил, будто нам от того должно было стать легче:

— Сегодня цены снижены вдвое. Если вам попадется этот... забираете его без каких-либо залогов.

— Еще бы! Не хватало платить за такое счастье, — фыркнул недовольный, как и все мы, Поль.

Леон, на миг закрыв глаза, будто вознося молитву всем святым, поднес к лицу правую руку, коснулся переносицы указательным и средним пальцами, потом осенил себя святым кругом в районе солнечного сплетения, после чего глубоко вздохнул и шагнул к изгороди. Ребята переглянулись и повторили его действия, а я... У меня еще в той, почти забытой земной жизни отношения с верой как-то не складывались, вот и тут я оказалась белой вороной — атеисткой, но суеверной атеисткой. Посему трижды поплевала через левое плечо и на подгибающихся от волнения ногах последовала за друзьями.

Первой к нам подошла белая в серых яблоках кобылка и робко ткнулась в протянутую Кайрой ладошку, затем свой выбор сделал гнедой масти конь, избравший Поля. Сеймоне досталась невысокая крепенькая бело-черная лошадка, Леону — белая и явно немолодая кобыла, и в последнюю очередь нашу компанию облагодетельствовал своим вниманием высокий, неимоверно грациозный вороной красавчик, взглянув на которого я просто-напросто влюбилась. И если ребята с опаской косились на свой будущий транспорт, то я не могла оторвать взгляда от доставшегося мне черного как ночь красавца, сгорая от желания поскорее коснуться его лоснящейся шеи, погладить бархатный нос, запустить пальцы в шикарную гриву...

Пока к нам вели лошадей, мы успели рассчитаться с конюхом и теперь молча ждали. И вот мой прекрасный скакун рядом. Стоило коснуться его шелковистой шкуры, ощутить, как под ней перекачиваются, бугрясь, мощные мышцы — и показалось, даже мороз стал слабее, а ветер прекратил пробираться до костей.

И вот же чудо, еще каких-то полчаса назад я волновалась, гадая, сумею ли ехать верхом? Ведь в реальной жизни я лошадей только в кино и видела. А сейчас... Уткнулась лбом в бархатный нос коня, склонившего передо мной голову, будто в поклоне, погладила сильную шею, и все внутри затопило бесконечное тепло и нежность к этому прекрасному созданию. Возникло предчувствие, что нам будет очень хорошо вместе. Перед мысленным взором явились картинки, как мы несемся по приволью, почему-то теплый ветер играет моими распущенными волосами, а былые страхи кажутся такими смехотворными и глупыми, что о них и вспоминать-то стыдно.

Пока я нежилась, ребята уже забрались в седла и с нетерпением ждали, когда же и я уложу свои вещи в притороченные к седлу сумки да заберусь на жеребца. Если с первым пунктом плана пришлось повозиться, то заключительная часть прошла как по маслу. Казалось, я всю жизнь провела в седле. Хотя кто знает, я ведь не расписывала в первых пяти главах историю моей героини. Да и вообще сейчас даже мысли о том, что все это не более чем вымышленный мною мир и персонажи, казались нелепыми.

Наконец-то мы тронулись в путь. Ехали не слишком быстро, приноравливаясь к скорости низкорослой лошадки Сеймоны и немолодой кобылы Леона. Чувствовалось, что мой конь жаждет ощутить бьющий в лицо ветер. Поль тоже явно сдерживал своего гнедого красавца, в то время как кобылки девчонок были вполне довольны заданным темпом перемещения.

Учитывая то, что ехали мы группой, то путеводный амулет был выдан один на всех, и мы еще там, у ворот академии, не сговариваясь выбрали в качестве «проводника» нашего титулованного друга. Теперь гордо восседавший на своем гнедом Поль выбился вперед, показывая дорогу, мой конь шел за ним по пятам, остальные тащились за нами.

Час прошел. Окружающие пейзажи до сих пор не радовали. Все ребята, кроме Поля, кутались в шарфы и натягивали пониже шапки, оставляя снаружи только нос и глаза. Я же, как ни странно, совершенно не ощущала холода, наоборот, мне казалось, что зимнее солнышко ласково пригревает. Причем вокруг них явно гулял ветер, судя по норовящим загнуться полам курток, около меня же был полный штиль. Это удивляло и настораживало, но сколько ни косилась на друзей, те не проявляли никакого интереса, что и немудрено: если ты укутан по самый нос, то ничего дальше него и не видишь.

К концу второго часа пути перед нами раскинулась широкая лента реки, а впереди замаячили горы. В поисках переправы пришлось немного проехать на юг, где обнаружился мост, откуда, если смотреть налево вниз по течению, был виден океан. Здесь окружающие пейзажи претерпели изменения: уже не было глубоких трещин в почве, то тут, то там виднелась какая-то низкорослая растительность, порой встречались даже кустики и тоненькие, кривенькие, будто искореженные деревья.

Спустя еще час мы попали в ущелье, по которому петляли около получаса, а потом вдруг очутились в совершенно ином месте. Нет, никаких перемещений в пространстве не произошло, просто здешние ландшафты, как и климат, в корне отличались от тех, что царили вокруг академии: густой лес подступал прямо к подножию гор, лапы сосен и елей были покрыты белоснежными шапками, под ногами ровным слоем лежал девственно чистый снег.

— Странно, — подъехав поближе к Полю и оглядываясь по сторонам, произнесла я. — Мы же далеко не первые из академии выехали, неужели сюда никто не направлялся?

— Всех тянет поближе к центру королевства, там и города покрупнее, — отозвался парень. — А тут приграничье, никаких толковых развлечений, разве что пара захудалых кабаков. Здесь же по большей части гарнизонные квартируются, а местных раз два и обчелся, — взглянул на меня товарищ.

Я в ответ лишь понятиливо кивнула, но все равно казалось странным, что никто давно не ездил этой дорогой.

Еще минут через двадцать неспешной езды лес расступился и перед нами раскинулся... раскинулась... В общем, я бы это даже с натяжкой городом не назвала. Впрочем, и деревней тоже. Окруженное высоким частоколом поселение на воротах охраняла кутавшаяся в телогрейки стража. Нас лишь небрежно окинули взглядами и тут же потеряли всяческий

интерес. Опять же странно, если здесь гости редкость, почему такое безразличие? Тем более на приграничье.

— Добро пожаловать в Лермонт, — усмехнулся притормозивший возле ворот Поль, после чего, будто и не заметив странного безразличия стражи, продолжил путь.

Проехали по узеньким улочкам, состоящим из одноэтажных бревенчатых домов, больше смахивающих на лачуги, а то и бараки, однако встречались и добротные дома. Судя по тому как Поль уверенно вел своего коня, убрав в карман магический кристалл, до сих пор служивший нам навигатором, эти места ему были хорошо знакомы.

Несмотря на разгар дня, на улицах было пустынно: ни торговцев, ни спешащих куда-то посыльных, ни вездесущей детворы. Тишина вокруг, только ветер тихонько завывает в проулочках да всхрапывают наши лошади, и под их копытами поскрипывает нетронутый снег. Ни лая собак, ни каких-либо звуков, свидетельствующих о том, что поблизости кто-то есть, будь то человек или животное. Такое ощущение, что селение, по чьей-то нелепой ошибке именуемое городом, вымерло. Ни дымка из труб, ставни многих домов наглухо закрыты, а порожки основательно припорошены снегом. Да что уж там, магазинов, и тех не видать! А как без них в любом населенном пункте? Может, конечно, они расположились где-то в определенном районе, но все же... Странноватый городок.

— Есть такое дело, — отозвался Поль, и я осознала, что последние свои размышления произнесла вслух. — Полгода назад народ стал уезжать отсюда и не то что один-два на заработки или в поисках лучшей доли, а с семьями. Просто бросали все, что не могли увезти с собой, и уезжали.

— А сейчас не уезжают? — уточнила я, заметив, что товарищ говорит об этом в прошедшем времени.

— Так некому уже уезжать. Остались лишь одинокие старики, которым тяжело с насиженных мест срываться, да и податься некуда. Ну и самые отчаянные сорвиголовы из служивых, не считая вынужденных отбывать тут воинскую повинность новобранцев.

— Эти земли, как я понимаю, принадлежат вашему роду? — уточнила я, и Поль кивнул. — Неужели вы так и не выяснили, что происходит?

— Пытались выпросить у стариков и старожиллов среди вояк, но те какую-то чепуху лопочут. Ничего вразумительного, — уклончиво ответил друг. — Типа появилась какая-то ведунья, наплела с три короба, а так как все ее прочие пророчества сбывались, народ испугался — и вот результат.

— А к вам они не могли прийти за помощью, если уж грозила какая-то беда? Ну там старосты, например, могли выступить от имени народа. Зачем сразу бежать?

— Ты это у меня спрашиваешь? Да и что бы они нам сказали? Что какая-то бабка что-то там навещала? Они знали: пока ничего не происходит, их не станут слушать, а потом будет поздно.

— Это же удар по экономике! — выпалила я и с опозданием поняла, что опять из меня лезут неуместные в этом мире речи. Ну что могут смыслить в вопросах экономики женщины, да еще не супруги высокопоставленных вельмож, сведущие в политической и экономической обстановке, а такие, как я, едва достигшие совершеннолетия? Осознав свой прокол, тут же сменила тему: — Почему вы не подключили магов? И с другими городами — что?

— Нет тут других городов и магов тоже нет, — немало удивив меня, проворчал товарищ. — Вот выучусь и разберусь, — туманно добавил он.

— К королю не обращались?

Поль глянул на меня как на дуру, а потом махнул рукой, мол, пустое это. Вот только показалось мне, будто он знает что-то такое, о чем государю знать нежелательно, потому-то за помощью и не обратились.

— Шила в мешке не утаишь, — не став допытываться до истинных причин, проговорила я, пользуясь тем, что наши друзья поотстали. — Те, кто уехал, вряд ли будут держать язык за зубами, а ведь на новом-то месте их обязательно спросят, с чего это они с обжитых мест сорвались.

Товарищ от моих слов скривился, как от зубной боли, невнятно пробурчав, что никто ничего уже не расскажет. Прозвучало это зловеще. Даже мысль жуткая мелькнула — не перебили ли всех перебежчиков во избежание разглашения некой тайны? Хотя...

— А отсюда ведет только одна дорога? — неуверенно поинтересовалась я, памятуя о тех кошмарах, что рассказывали в академии.

Добираясь сюда, мы видели горы, простиравшиеся сплошной стеной в обе стороны, но кто знает, что там дальше? Может, тут есть еще какие-то пути? Вот только Поль что-то подозрительно молчит. Если же проход через ущелье является единственной торной дорогой... Стоит вспомнить проделанный путь, и мороз по коже пробегает. Сейчас там, конечно, поработали маги из академии, но в обычное-то время только самоубийца сунется в такие места. И если так, то здешние жители, скорее всего, действительно не выжили в попытке бежать прочь от... Чего? Что могло заставить их броситься в лапы монстров по ту сторону гор? Вряд ли они не знали об их существовании.

— Дорог много, но все они начинаются за ущельем, — наконец-то подал голос Поль, мотнув головой в ту сторону, откуда мы только что прибыли. — Там, — он кивнул на юг, — океан. Повсюду скалы и рифы, плюс постоянные бури у побережья, даже негде пришвартоваться. Там, — он указал взглядом на север, — продолжаются неприступные горы. А на западе граница с Жардонией.

— Жардонцы не люди, что ли? Неужели не пропустят пройти по своим землям, если понадобится? Наши королевства же не враждуют.

— С географией у тебя совсем плохо, — покачал головой Поль. — Нет, Эрензия ни с кем из соседей, кроме степняков, не враждует, тут ты права. Но ведь и граница номинальная. Там тоже горы, через которые даже виверны не перелетают. Мои предки выбрали это место за его неприступность. Сюда проникнуть можно только через ущелье, а в нем легко держать оборону. Даже обычные воины смогут долго держаться против магов, — завершил он и прищипнул коня, принуждая того двигаться побыстрее и давая мне понять, что разговор закончен.

— Ясно, — буркнула ему в спину, хотя ничегошеньки ясно не было. И вроде бы не мое дело, но так захотелось разгадать эту загадку, что аж руки зачесались перерыть всевозможные архивы и библиотеки, наверняка там найдется что-то интересное об этих таинственных местах.

Свернув за угол, Поль спешил, и я, несмотря на долгое пребывание в седле, нехотя последовала его примеру. Жалко было расставаться с моим черным красавцем, внутри аж щемило от одной только мысли, что вскоре его заберут и мы больше никогда не увидимся. Тем временем подъехали и ребята. Они с кряхтением сверзились со своих лошадей и стали разминаться, разгоняя кровь по затекшим мышцам. Глянула я на их покрасневшие носы и посиневшие от холода губы, скрюченные пальцы, будто до сих пор сжимающие поводья. Перевела взгляд на вполне бодрого и полного сил Поля, мысленно отметив, что и сама

ощущаю себя вполне бодрой и свежей. Странно, что тут скажешь?

Вытащили вещи из седельных сумок, а я все гладила вороного и так грустила от предстоящей разлуки, что аж выть хотелось. Поль тем временем постучался в двери одного из довольно крупных строений. Пару минут ничего не происходило, а потом раздался скрежет отпираемого запора, сменившийся скрипом несмазанной двери, и на нас уставилась помятая физиономия явно не успевшего похмелиться мужичка.

— Чего надо? — совсем негостеприимно буркнул он.

— Коней сдать, — недовольно поджав губы, ответил Поль.

— Вот же не сидится людям по домам, — ворчал мужик, кутаясь в телогрейку, но все же пошел отпирать дверь, напоминающую по размерам ворота. — Заводите.

Стоило Полю со своим гнедым приблизиться ко входу, как раздался пронзительный писк, заставивший стоящих за моей спиной лошадей едва ли не встать на дыбы, ребята их едва удержали. Мой же конь и Поля отреагировали на звук абсолютно спокойно.

— Чужого добра мне не надобно! — воззрился на товарища мужик. — Кормите сами свое добро. Следующий, — поманил он меня рукой.

Я вздохнула, потерлась щекой по бархатному носу своего вороного красавца.

— Прощай, — выдохнула, ощущая, как к глазам подступают непрошеные слезы.

Конь в ответ лишь фыркнул и сам пошел ко входу в конюшню, замер в шаге от него. И опять уши заложило от премерзкого писка.

— Вы что, издеваться изволите? — явно осерчал мужик. — А ну пошли отсюда!

— Как ты смеешь разговаривать подобным тоном с представителем рода дел Ларго? — молвил Поль, и я совершенно не узнала внезапно ставший властным голос товарища.

— Простите, миор, — тут же склонился в раболепном поклоне мужик.

— Что не так с нашими лошадьми? — все тем же тоном продолжил Поль.

— Нашим животным ставят специальные маячки, благодаря которым их находят в случае похищения.

— Допустим. Но я не похищаю, а пытаюсь вернуть коня, — произнес товарищ.

— Миор, на входе в конюшни стоит магическая сфера, проверяющая наличие маячка. На вашем и на вашем животном, — конюх взглянул на Поля и на меня, — его точно нет.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнес друг и кивнул ребятам, мол, заводите.

На этот раз никаких сигналов не прозвучало.

— И что нам теперь делать? — глядя на наших с ним коней, поинтересовался Поль. — Мы взяли всех их одновременно у одних и тех же погонщиков. Да и вообще, какая вам разница? Одним или двумя конями больше, разве это плохо?

— Плохо, миор, — отозвался явно трезвеющий на глазах мужик, которому и спорить с высокопоставленным гостем было боязно, и выполнить требуемое, видимо, не дозволялось правилами. — Раньше мы брали на постой лошадей. Ну, кормили их, держали в стойлах, получая парочку дополнительных медных броунов на карман. Потом в нескольких конюшнях все лошади пали от какой-то заразы. Тогда установили эти кристаллы. Они проверяют, чтобы внутрь вводили только тех лошадей, у которых имеется наш маячок. Вы уж простите, миор, не могу их принять.

— Ясно, — поджав губы, произнес Поль, но мне показалось, что в его глазах на долю секунды промелькнуло удовлетворение от подобного исхода событий.

Конюх ушел к доставленным нами лошадям, и мы с ребятами остались одни.

Глава 6

Поль. Воспоминания

Менее полугода назад произошли сразу четыре взаимосвязанных события, перевернувших мою тихую размеренную жизнь с ног на голову.

Во-первых, активировался семейный артефакт — алтарь, известивший о том, что где-то появилась или появился избранник для одного из нас: либо для меня, либо для двух моих братьев, либо для сестры.

Во-вторых, когда мы спустились к алтарю, установленному в недрах горы, на которой стоит наш замок, выяснилось, что на нем лежала не одна, как это бывало в прошлых поколениях, а сразу две пары брачных браслетов!

В-третьих, именно во мне проснулся дар к магии, а это означало, что если я не сумею в течение полугода разыскать суженую и привезти ее сюда, в замок, то именно на мою голову обрушится родовое проклятие, и мне придется во избежание гонения на род укрываться в горах, живя отшельником.

Ну и в-четвертых, в Лермонте, единственном городе, располагающемся в принадлежащей нашей семье долине, откуда ни возьмись появилась кликуша, направо и налево бросающая всяческие пророчества, в том числе и о возвращении драконов в эти места. Прочие ее предсказания сбывались, и эффект был закономерен — перепуганный народ бежал прочь, как крысы с тонущего корабля. Как бы мы ни перекрывали негативную пропаганду о якобы давно исчезнувшем крылатом народе, все равно слухи с большой земли доходили в долину, и теперь мы пожинали их плоды: город и прочие селения пустели на глазах.

С того момента как я надел себе на руку один из брачных браслетов, у меня перед глазами постоянно светилась зеленая точка, означавшая направление, в котором следует искать избранницу. Вернее, в моем случае должны были светиться две точки, но почему-то упорно виделась лишь одна. Кого именно я видел? То ли свою пару, то ли кого-то из моих родных? Требовалось, чтобы я отыскал и привел в замок двух указанных алтарем людей, а если не найду кого-то из них или не уложусь в срок, придется прожить всю оставшуюся жизнь в горах отшельником. Брр... Об этом даже думать не хотелось. Радовало лишь одно: направление указывало не в сторону материка, а на юго-восток от нашего замка. Там, за неприступной стеною гор, до самого океана простиралась долина Мертвых, на территории которой находилось лишь одно место, где могли жить люди, — академия магии, а дальше, уже в океане, имелся небольшой необитаемый скальный остров. Таким образом, круг поисков сужался — мне предстояло как-нибудь проникнуть в академию и найти там обладателя первой точки, а затем и второй, придумав способ, как заманить их к нам в замок, а там уж действовать по ситуации.

Одно плохо: если обычные женщины были существами, по сути, бесправными, то магички, пусть и начинающие, имели равные с мужчинами права. Это существенно осложняло мою задачу. Ладно, об этом подумаю позже, сначала надо их разыскать и притащить сюда.

Со сборами тянуть не стали, и уже на следующее утро я собрался в путь. Мою последнюю ночь в родном замке скрасили две молоденькие служаночки, подсланные

моими братьями, небезосновательно считавшими, что секс — лучший способ снять напряжение. Да и к тому же, как известно, в нашем роду свобода нравов по мужской линии почему-то царила лишь до появления избранницы, потом мужчины внезапно превращались в жутких зануд, цепляющихся за одну-единственную юбку. Как-то не верится, что и с нами может такое случиться. Но чем только демоны не шутят? Вдруг и нас с братьями постигнет сия участь? Тьфу-тьфу, конечно. Вот я и оторвался на прощанье. Ну что тут сказать? Девчушки оказались чудо как хороши, с виду невинные, а в постели такие затейницы! А как они ласкали друг друга... Мм... Я даже пожалел, что не присмотрелся к ним раньше. Ну да что уж тут поделаешь? Может, не все еще потеряно, наверстаю упущенное.

Братья и сестра провожали меня словно в последний путь. Что и немудрено: через долину Мертвых, населенную многочисленными монстрами и отнюдь не доброжелательными магическими существами, даже опытный маг в одиночку вряд ли сумел бы пройти, а уж только что обретший дар, как я... Но выбора не было.

Обвешавшись с ног до головы артефактами, амулетами и оружием, прихватив запас медикаментов и необходимый минимум вещей, я отправился в путь. Если повезет, то доберусь до места часа за четыре. Если нет, поплутаю, но... Надеюсь, все-таки выживу. Как-никак еду я не один, хотя, глядя со стороны, об этом никто и не догадается.

Будучи мальчишкой, я частенько сбегал из замка. Бродил по окрестным территориям, чувствуя себя бывалым путешественником. Несколько раз добирался аж до выхода из ущелья, граничащего между нашими родовыми землями и той самой жуткой долиной Мертвых, через которую мне предстояло сейчас проехать. Во время одного из таких путешествий прибился ко мне молоденький гнедой жеребенок. Красивый — жуть! Шкура шелковистая, темно-бурая, отликает красным золотом на солнце, грива и хвост длинные, густые и черные как ночь. Я влюбился в него с первого взгляда, тут же дав имя — Рос. Уже дома выяснилось, что никакой это не конь, а самый что ни на есть настоящий демон — леросс. Да, юный, да, пока еще беззлобный. В те времена отец с матерью еще жили с нами. Узнав, кого я привел, они конечно же пришли в ужас. Хотели избавиться от моего меняющего облик друга, но им это не удалось. Как оказалось, неосознанно дав ему имя, я окончательно связал наши судьбы, и любой нанесенный ему вред мог отразиться и на мне. Родным пришлось смириться с таким пополнением.

Так у меня появился верный друг, иногда принимавший облик щенка, иногда котенка, а порой так же, как и в пору знакомства, — жеребца. Росли мы вместе, все больше узнавая друг друга. А когда он повзрослел по своим демоническим меркам, научились мысленно общаться, передавать свои чувства и эмоции не только поблизости, но и на расстоянии. Это было очень удобно: где бы мы ни находились, всегда могли связаться. С той поры он стал моими глазами и ушами. А как упоительно было носиться по приволью, ощущая не только бьющий в лицо ветер, но и то, как Рос чувствует запахи, цвета, улавливает малейшие звуки, которые недоступны человеческому уху.

Что уж говорить о сексе? Нет, никаких противоестественных отношений между нами не было, еще чего! Но учитывая наше тесное общение, мы испытывали все эмоции друг друга — настоящее торнадо ощущений, в котором сложно было определить, какие чувства его, какие мои. Одним словом, феерия! Короче, если кто-то из нас собирался с кем-то переспать, то второй тут же искал себе пару, иначе можно было просто-напросто свихнуться. Благо у Роса с этим делом проблем не существовало. Не в плане мужской силы, а в смысле обилия потенциальных партнеров. Да, истинных демонов поблизости не было, но это печалило

моего друга в последнюю очередь. Дело в том, что для лероссов, принявших облик какого-либо животного, близость с самками этого вида считалась экзотикой и дарила невообразимую бурю эмоций. Кстати, от таких связей рождались обычные животные, а не демоны, но они перенимали от отца его силу, выносливость и внешние данные. Так у нас вывелась новая порода лошадей. Обладать удивительными жеребцами стремились богатейшие люди многих королевств и платили за них звонким золотом едва ли не по весу самого коня.

Так что в компании с Росом мне не составило труда преодолеть жуткую долину Мертвых. От немногочисленных тварей на нашем пути мы благополучно отбились, да и немного их встретилось — видимо, еще издали они чуяли демоническую сущность и не рисковали приближаться. Мой леросс не очень хорошо знал местность, все же долина огромная, а не заблудились мы в этом унылом краю, лишенном растительности и вообще каких-либо ориентиров, только благодаря все той же светящейся перед глазами точке, которая как путеводная звезда вела меня к цели. Ближе к концу пути, когда вот-вот должны были уже показаться стены академии, нам пришлось расстаться. Вряд ли там порадовались бы появлению леросса. Нельзя сказать, что Рос горевал по этому поводу — связь между нами никуда не денется, а он давненько не вырывался на волю и теперь аж пригарцовывал в предчувствии встречи с сородичами.

Стоило моему гнедому красавцу унести прочь, как я в полной мере ощутил все прелести здешней погоды — изнурительную жару и сухой, насыщенный пылью ветер. Ведь лероссы при желании умели создать вокруг себя и своего спутника благоприятные условия. Эх, научиться бы и самому так влиять на окружающую среду.

Стены академии приближались, до ворот было рукой подать, как вдруг одинокая зеленая точка разделилась! Выходило, обе мои цели здесь! Видимо, когда я смотрел на них издалека, они из-за разделявшего нас расстояния сливались в одну. Ну что же, это, с одной стороны, радовало, с другой — огорчало. Связываться с одним магом, пусть и не очень опытным — опасно, а с двумя...

Как я и опасался, на территорию академии посторонним вход был запрещен. Попасть туда могли либо преподаватели, либо студенты. Хотел бы я в корне изменить свою жизнь и на целых пять лет окунуться с головой в неведомую студенческую жизнь? Не уверен. Но, увы, выбора у меня не было. Обе цели там, а без них моя жизнь все равно пойдет прахом. Не знаю уж, что это за семейное проклятие? Почему-то старшие нас только пугали, а подробности скрывали за семью замками. Так исчез мой дядя. Я тогда был совсем малышом, но хорошо помню, как любил его, а потом боялся — перед тем как укрыться в горах, он стал злым и агрессивным. Говорят, так действовало проклятие. К тому же если королевские маги прознают о проснувшемся у меня даре, то рано или поздно я все равно попаду сюда, если, конечно, к тому моменту не окажусь изгнанником в горах, где буду мыкаться, не зная, как пользоваться новообретенной силой. Так что лучше уж сейчас идти осваивать неведомую мне магию, а заодно разыскать нужных людей и заманить их в замок. Эх, ну почему дар получил я? Ладно, Сейла — она девчонка, но почему не Винс, мой старший брат, или не Шелд, младший?

Охрана на воротах немало подивилась моему появлению налегке и пешком, пришлось поведать печальную историю о том, что верный конь погиб в одной из последних схваток в долине Мертвых. Поверили. Проводили к миору Рантеону дел Шантуа, занимавшему должность ректора.

— Да, вы года на три-четыре старше первокурсников, но если дар есть, то будете учиться, что ж поделаешь, — произнес он. — Сейчас проведем небольшие тесты. Но имейте в виду, нынче, как вам, наверное, известно, на границе с Ордонскими степями неспокойно. Королевству очень нужны маги. Обученные, сильные и преданные короне.

Я мысленно вздохнул, вспоминая о необходимости заключать контракт на пятьдесят лет службы на благо королевству. Один плюс: необязательно сразу по окончании учебы приступать к работе, можно было завести семью, наладить быт и уже потом отдавать долг родному королевству. Думается, этот вариант мне подойдет больше всего.

— Постараюсь оправдать выпавшую мне честь, — произнес я.

— Ничуть не сомневаюсь, — покивал дел Шантуа. — Ваши предки доказали преданность короне и трезвость ума. Но дело в том, что буквально вчера пришел указ, согласно которому слабые студенты теперь будут подлежать отчислению.

— Но необученные маги — это ведь опасно, — возрился я на него.

— Именно поэтому их дар будет изъят и передан более подходящим кандидатурам. Помните об этом. Да, вам будет нелегко, ведь азы, которые даются в школе магии, вы не изучали. Придется наверстывать. Иначе вас ждет отчисление, лишение магии и, несмотря на титул, отправка на передовую.

Вот так перспективы, одна краше другой. Может, проще было сразу в горы уйти и не мучиться? Но это всего лишь мысли, отступать уже поздно, поэтому пришлось смиренно произнести:

— Придется так придется.

Тесты много времени не заняли и конечно же показали наличие недавно проснувшегося дара, после чего меня без проблем зачислили на первый курс. Ректор лично проследил, чтобы мне выдали все необходимое, выделили комнату, где я оставил свои вещи, а потом повел меня к учебному корпусу.

Послушно шагая рядом, я размышлял о том, что мне теперь надо разыскать нужных людей, свести с ними знакомство и под каким-нибудь предлогом пригласить в родовой замок. А учеба — что ж, ничего не поделать, придется закончить академию. На передовую в качестве пешки в никому не нужной войне мне попадать совсем не хочется.

И вновь судьба мне улыбнулась: стоило ректору подвести меня к дверям аудитории, и я едва сдержал рвущееся наружу ликование — обе зеленые точки располагались тут! Правда, чем ближе я к ним подходил, тем больше они начинали расплываться и теряться, это говорило о том, что отыскать конкретных людей будет все же не так и просто. Но главное, они тут, в той же группе, что и я!

Очутившись внутри, я окончательно растерял все былое воодушевление: из двенадцати присутствующих в аудитории студентов восемь были виртонгами. Мало того, четверых я знал по тем временам, когда гостил у родителей в столице, и отношения у нас с ними, мягко говоря, складывались не лучшим образом. Я едва не застонал от одной лишь мысли о том, что нашими избранниками окажутся двое из них. И эти высокородные занозы являлись не единственными моими проблемами: педагогом оказался миор дел Сарье, родной брат второго советника короля, мечтавшего занять место моего отца. Чувствую, попьет он моей кровушки, мстя за неудачи братца, наверняка будет заваливать на экзаменах, о которых рассказывал мне ректор.

В аудитории царила тишина. Педагог и студенты стояли, приветствуя руководителя академии, и с любопытством, а кое-кто и с плохо скрываемым презрением рассматривали

меня.

— Садитесь, садитесь, — махнул рукой ректор. — У нас неожиданное пополнение, — торжественно молвил он, кивнув в мою сторону. — Прошу любить и жаловать, дерц... — как бы случайно обмолвился он и после непродолжительной паузы продолжил: — Миор Полиней дел Ларго. Внесите его в список группы, — обратился он к педагогу. — Пропущено всего полторы недели занятий, так что наверстаете, — взглянув на меня, добавил он и покинул аудиторию, притворив за собой дверь.

— Сын первого советника, — ехидно приподнял бровь преподаватель. — Имейте в виду, тут все равны, — произнес он и уже тише добавил: — Насколько это возможно. Выбирайте себе место и садитесь.

Я еще раз окинул взглядом присутствующих. По сути вариантов не так уж и много: либо сесть к тому толстощекому парню, либо одному. В любом случае окажусь на третьем ряду и буду вынужден постоянно созерцать перед собой этих виртонгских заноз. Либо сесть рядом вон с той девчонкой на первом ряду.

— Можно? — подойдя к ней, произнес я.

— Э-э... мм... — растеряно промямлила она. — Да, — наконец-то ответила, поспешно убирая с соседнего стула сумку и придвигая к себе свои вещи, до этого разбросанные по всему столу.

Стою, наблюдаю за ней: не писаная красавица, но симпатичная, и грудь ничего так, и...

«Демоны! Рос, что ж ты творишь?!» — мысленно ору, но лероссу сейчас явно не до меня.

Очевидно, мой гнедой дружок успел отыскать где-то подружку. Вот не ко времени же такое! Передаваемое от леросса возбуждение сводило с ума. Перед глазами встала непрошенная картинка: крохотные ладошки сидящей в этот момент рядом шатенки умело ласкают мое тело, ее пухлые губки на по-детски наивном лице...

«Демоны...»

В ответ доносились лишь нечленораздельные охи да вздохи. Волнами накатывало ощущение чужого вожделения. Чтобы в голос не застонать, я схватился за край стола, едва ли не до хруста сжимая полупрозрачный материал столешницы. По позвоночнику пробегали одна за другой волны мурашек, в паху аж заныло от рвущегося наружу желания. А в голове настойчиво билась мысль: «Лишь бы никто ничего не понял...»

То ли леросс быстро справился с задачей, то ли сжалился, закрыв от меня свои эмоции, но вроде стало отпускать. Выдохнул с облегчением и плюхнулся на давно уже освобожденный от вещей стул. Глянул на соседку по парте. Хм... Вот уж и не знаю, еще недавно она казалась обычной девчонкой, а сейчас... Все еще вздыбленное мужское естество буквально трепетало от желания обладать ее телом. Решено: как только найду избранных, разберусь с этим трижды проклятым обрядом обручения и, пожалуй, приударю за ней. Это будет забавно: крутить шашни с одноклассницей под носом у жены...

И тут девица окинула меня каким-то до невозможности взрослым циничным взглядом, отчего все влечение вмиг пропало. Эти не по годам умудренные карие глаза никак не вписывались в образ девушки. Неужели какая-то гаремная штучка с опозданием обрела дар? Нет, вряд ли, наложницы сплошь юные девчонки, ни у одной из них не может быть такого уставшего от жизни взгляда. Выходит, она была в притоне? Хотя это и к лучшему. Такая не будет долго ломаться или лелеять надежды на серьезные отношения. Для мимолетной интрижки самое то, что надо.

Возбуждение окончательно сошло на нет, и наконец-то удалось сосредоточиться на словах преподавателя. Лекция оказалась очень насыщенной, и к ее концу у меня ломило виски от напряжения, а пальцы ныли от писания конспекта. Звонок, извещающий о завершении занятия, показался мне прекраснейшей из всех слышанных ранее мелодий. Соседка по парте начала собирать вещи, я последовал ее примеру. И вдруг...

— Ну что, Ларго, — раздался из-за спины голос одного из виртонгов, — готовься к сладкой жизни.

— Ты только на угрозы и способен, — совершенно спокойно отозвался я, глядя прямо в глаза Каитора, что жутко раздражало парня. — И напомним, магические дуэли и нападения запрещены уставом академии до третьего курса. А мы, на минуточку, на первом.

— Посмотрим, кто первым нарушит это правило, — парировал виртонг и направился к выходу.

— Зря ты с ними связываешься, — неожиданно глубоким грудным голосом произнесла моя соседка.

Опять внизу живота все начало оживать и рваться в бой. Я в очередной раз от души порадовался тому, что подвязался в дорогу широким кушаком, концы которого свободно свисали, прикрывая, судя по ощущениям, не в меру красноречиво выпирающее отношение к собеседнице. Определенно я ее хочу. И получу. Думаю, это будет несложно.

— Мы с ним с семи лет бодаемся, — якобы беззаботно пожал я плечами, отчего расстегнутый ворот рубахи слегка раздвинулся, открывая ее взгляду верхнюю часть моего торса, который, что уж тут скромничать, весьма нравился представительницам противоположного пола. — И как видишь, все еще жив, — усмехнулся я. — Но спасибо. Поль, — представился и протянул ей руку.

— Мила, — отвечая на рукопожатие, отозвалась она, и я отметил, насколько нежная у нее кожа.

Вот только продолжить это во всех смыслах приятное знакомство не дал подошедший толстяк.

— Мил, пообедать не успеем, — произнес он и как-то ревниво глянул на меня.

— Да-да, идем, — примирительно улыбнулась девушка, а меня аж передернуло — она что, с ним? Вот с этим? Брр... — Ты с нами? — поинтересовалась соседка, лишь мельком взглянув на меня.

Что тут скажешь? Шок. На меня почти не реагирует, а с этим откормленным боровом ластится, как сучка во время течки. Ладно, посмотрим еще, как ты запоешь. Забудешь своего толстомясого хахалю. В ногах валяться будешь, вымаливая еще раз покувыркаться.

И тут что-то странное произошло — показалось, будто мои мысли кто-то слышит, и оттого стыдно вдруг стало. Что за бред? Ладно, со своими странными рефлексиями позднее разберусь. Она-то стоит, ждет. Ну я и кивнул — мол, да, с вами.

В коридоре оказалось безлюдно и тихо, наши шаги отдавались эхом от стен и высокого потолка, да пыхтел страдающий одышкой дружок Милы. Столовая, как выяснилось, располагалась в соседнем здании, одноэтажном, в отличие от учебных и жилых корпусов. Вышли на улицу, девушка тут же съежилась вся. Ишь какая неженка, дождик-то еле капает, небось откуда-то из Обители виртонгов сюда попала, это там вечно тепло. А толстяк-то как зарысил к столовой, небось вечно жрать хочет. Хотя и немудрено, попробуй такую тушу прокорми.

В столовой девчонка расслабилась, попав в тепло, и сразу прошла к линии раздачи, где к

этому моменту, как ни странно, очереди уже не было, хотя я думал, там будет ажиотаж. Прихватив подносы с тарелками, окинул зал взглядом — свободных мест нет. Едва отошли от раздачи, Мила тут же повернула к призывно машущим нам девушкам, сидевшим на занятии за соседней партой. Возможно, одна из них моя избранная. Что-то отвлекся я после занятия и не обратил внимания на то, где мои заветные точки гуляют. Мила кивнула нам с толстопузом и направилась к девчонкам.

— Я не одна, вы не против? — поинтересовалась она у сидящих за столом девушек.

— Конечно, не против, — улыбаясь, хором отозвались те, вмиг сдвинув свои подносы поближе друг к другу и освобождая место для нас.

— Это Поль, — как только мы уселись, представила меня Мила, затем бросила короткий взгляд на меня и представила остальных: — А это Леон, Сеймона и Кайра.

Ели молча. Я рассматривал сидящих напротив девчонок, одна из которых может стать спутницей моей жизни или достаться кому-то из братьев. Не исключено, что они обе войдут в нашу семью. В принципе, довольно симпатичные. Правда, блондиночка слегка полновата, хоть и не слишком. *Пока* не слишком, а что будет со временем? Хотя об этом рановато думать. Вторая, брюнетка, наоборот, слишком худощавая. Ну да и ладно, главное, если это они, то знакомство уже завязалось, осталось придумать, как заманить их в замок. Взгляд упал на Леона. Уплетает еду за обе щеки, жадно косясь на соседние тарелки, а чернявенькая ему еще и подкладывает что-то. Его же это нисколько не смущает, знай себе жует, аж все тридцать три подбородка трясутся, и вроде тут не жарко, а у него пот градом по лицу льется. Меня непроизвольно передернуло от омерзения при мысли, что он может оказаться избранным моей сестры. Нет, надеюсь, судьба не настолько жестока к Сейле, она слишком нежная и невинная девочка для того, чтобы достаться такому борову. В голове не укладывается — как можно настолько распуститься? Он же мужчина. Вернее, пародия на оного. Но если бы тренировал тело и поменьше жрал, был бы явно в лучшей форме.

Закончив с трапезой, мы отнесли подносы в окошко мойки и все так же бодрой рысью понеслись обратно к учебному корпусу. В аудиторию, где должна была проходить лекция по теории целительской магии, заскочили перед самым звонком.

— У нас новенький? — преподавательница, женщина пожилая, даже на вид выглядящая лет за шестьдесят, окинула меня взглядом. — Представьтесь, — обратилась она ко мне.

— Полиней дел Ларго, — вставая со своего места, послушно отозвался я.

— Дел Ларго, говорите? — В ее глазах мелькнул интерес, а я тем временем пытался припомнить — встречались ли мы прежде? Как-то молоденьких девиц всех помню, а вот таких... — Ну что же, я Дарлетта дел Навитор, можете обращаться ко мне магистр дел Навитор. — Она окинула взглядом группу и добавила: — Это касается всех. Я так понимаю, ваш дар проснулся совсем недавно?

— Два дня назад, — отвечаю.

— Ну что же, — вздохнув, произнесла педагог. — Учиться будет нелегко, ведь у вас нет начального образования, которое другие студенты успели получить в школе магии. После лекций найдите меня в учебной части, я подготовлю список требуемых для изучения тем и учебных материалов, которые помогут вам устранить пробелы в знаниях. Садитесь, дел Ларго.

Хм... Вот так и не вспомнил — видел ли где-то эту женщину прежде или нет? Главное, отношение ее ко мне не в пример лучше, нежели у миора дел Сарье. С этой — поладим.

Как же я был наивен, думая, что у меня хватит сил на любовные похождения!

Перспектива оказаться на передовой не радовала, поэтому учеба захватила все мое время. Я почти позабыл, что такое сон. Собственно, как и моя потенциальная любовница, которой в случае провала грозил гарем. Девушка оказалась не стервозной, но настолько циничной, что в голове не укладывалось, как такое возможно, если она росла не где-то в приюте, откуда обычно перекочевывают в притоны, а в полноценной семье титулованных, пусть и не очень богатых аристократов? Общаться с ней не ругаясь было просто невозможно, но и ссориться надолго тоже, потому что я начинал скучать. Даже страшновато — не влюбиться бы. Это чувство, говорят, прекрасно, но уж больно от него мозги набекрень встают. Видел я влюбленных — идиоты идиотами, упаси бог таким стать. Одно точно: прошло уже полтора месяца, а Мила по-прежнему манила меня к себе, хотелось сжать ее в объятиях, заласкать до полусмерти, чтобы она молила о пощаде или о продолжении сладкой муки, и не отпускать.

Вечные перепалки и соперничество с возглавляющим виртонгскую шайку дерцем Каитором дел Кореном тоже занимали много времени, но я ничего не мог с собой поделаться, да и он не успокоится, даже если я начну степенно держаться в сторонке.

Радовало лишь то, что обе зеленые точки постоянно крутились возле меня. Я даже придумал, как заманить друзей в замок. Зимой, на праздник Слияния лун, студентам академии и педагогам предоставляли небольшую передышку — каникулы на четыре дня. Судя по настрою, никто из девчонок домой не рвался, да и толстяк не мог уехать к своим — слишком далеко, а денег лишних нет. Надо как-нибудь еще побольше расположить к себе новообретенных товарищей, а потом пригласить на праздники в гости. И тут меня осенило.

— Я слышал, ты тоже недавно обрела дар? — топая вместе со всей нашей компанией на обед, якобы уточнил я, хотя прекрасно знал об истинном положении дел.

— Угу, — пребывая в каких-то раздумьях, буркнула Мила.

— Хочешь, я дам тебе те книги, которые у меня есть? Ну из списка магистра дел Навитор, — предложил ей и, поймав ее взгляд, покосился на Леона: коль уж он ей так дорог, то примет предложение, если не ради себя, так ради его благополучия.

[Купить полную версию книги](#)